

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 16 / 2016

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., к.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию

статей не взимается.

Правовое воспитание: очерки теории и практики

Вишневский А.А. Властно-учительская парадигма в источниках религиозно-правовой системы:

различия как проявления общего..... 3

Андреев Н.Ю. Этапы развития славянофильского государственно-правового идеала 9

Асваров Н.А. Особенности формирования правосознания дагестанской молодежи..... 14

Поскачина М.Н. Наука в концепции Н.А. Бердяева..... 18

Карнушин В.Е. Предмет гражданского права: историко-психологический аспект 22

Территория, государство, закон

Хабиров Р.Ф. Критика безусловности государственного суверенитета с позиций неореализма 28

Сигалов К.Е. Легитимация как идейное объяснение власти 33

Уголовно-правовая репрессия: очерки истории

Коваленко К.Е. Оценочные категории и проблемы судебной практики..... 38

Колотков М.Б. Терроризм и уголовное законодательство Российской империи второй половины XIX века 43

Поляков А.Г. Политические репрессии истинно-странствующих христиан в конце 1920-х гг.: по материалам архивно-следственного дела 47

Фомин А.А. Институт ответственности членов семей коллаборационистов в советском законодательстве в годы Великой Отечественной войны 50

Лысак Н.В. Борьба с растратами в потребительской кооперации России в период с 1946 по 1960 год 55

Кодинцев А.Я. Уголовно-правовая кампания по борьбе с хищениями государственной и личной собственности в СССР в послевоенный период..... 59

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtog@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 21.06.2016

Номер вышел в свет 18.08.2016

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписной индекс:

Роспечать — 47643;

Почта России — 10866;

«Объединенный каталог» — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 16 / 2016

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl № ФЦ77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay
for publication of their articles.

Legal Education: Features of Theory and Practice

- Vishnevskiy A.A.** Power Teacher Paradigm
in the Religious Legal System Sources:
Differences as Manifestations of the Common..... 3
- Andreev N.Yu.** Stages of Development
of Slavophile State Legal Ideal..... 9
- Asvarov N.A.** Features of Dagestan Youth
Legal Awareness Formation 14
- Poskachina M.N.** Science in the Conception
of N.A. Berdyaev 18
- Karnushin V.E.** Civil Law Subject:
Historical Psychological Aspect 22

Territory, State, Law

- Khabirov R.F.** Critics of Conclusiveness
of the State Sovereignty from the Point
of View of Neo-Realism 28
- Sigalov K.E.** Legitimation as Ideological
Explanation of the Power 33

Criminal Legal Repression: Features of History

- Kovalenko K.E.** Estimate Categories
and Problems of Judicial Practice..... 38
- Kolotkov M.B.** Terrorism and Criminal Legislation
of the Russian Empire of the Second Half
of the XIX Century 43
- Polyakov A.G.** Political Repressions
of Truly Errant Christians at the End of 1920s Based
on Materials of Archival Investigation Case 47
- Fomin A.A.** Institute of Responsibility
of Collaborationists Family Members in the Soviet
Legislation in the Great Patriotic War Years 50
- Lysak N.V.** Struggle against Wasteful Spending
in the Consumer Cooperation of Russia
in the Period from 1946 to 1960..... 55
- Kodintsev A.Ya.** Criminal Legal Campaign for Struggle
against Stealing of State and Private Property in the Union
of Soviet Socialist Republics in the Post-War Period..... 59

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 21.06.2016
Issue was published 18.08.2016

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospachat — 47643;
Russian Post — 10866;
"United Catalogue" — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Властно-учительская парадигма в источниках религиозно-правовой системы: различия как проявления общего

*Вишневыский Александр Александрович,
профессор кафедры гражданского и предпринимательского права
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
преподаватель канонического права и экклезиологии Института Св. Фомы,
доктор юридических наук
sopos59@mail.ru*

В статье в сравнительно-правовом аспекте анализируются тенденции развития источников религиозно-правовых систем библейского происхождения (еврейское право, западная и восточная традиции канонического права христианской церкви), показывается, что внешнее различие в источниках может быть представлено как различные проявления сходной для всех трех систем властно-учительской парадигмы.

Ключевые слова: каноническое право, еврейское право, западная и восточная традиции в каноническом праве, источники религиозно-правовой системы.

Power Teacher Paradigm in the Religious Legal System Sources: Differences as Manifestations of the Common

*Vishnevskiy Alexander A.,
Professor of the Department of Civil
and Entrepreneurial Law of the Higher School of Economics
Lecturer of the Canon Law and Ecclesiology of the Institute of Saint Thomas,
Doctor of Law*

In the comparative law aspect, the article analyzes trends of development of religious legal systems sources of Biblical origin (Jewish law, western and eastern traditions of canon law of the Christian church), shows that the external difference in sources can be presented as different manifestations of the power teacher paradigm that is similar for all three systems.

Key words: canon law, Jewish law, western and eastern traditions in the canon law, religious legal system sources.

Подобно любой другой правовой системе, религиозно-правовая система располагает источниками права. При этом с внешней стороны источники различных религиозно-правовых систем могут предстать как существенно отличные друг от друга. Мы намерены показать, что в ряде случаев за внешним отличием скрывается внутреннее — более глубинное сходство. В сфере нашего анализа правовые системы библейского происхождения: каноническое право и его ветхозаветный предшественник — еврейское право.

Начнем с канонического права, которое исторически развилось в двух традициях — западной и восточной. Одним из существенных отличий западной традиции канонического права от восточной принято считать разницу в их источниках. Чаще всего исследова-

тели обращают особое внимание на то, что в западной традиции присутствуют декреты римских пап, в то время как на Востоке фигурирует законодательство императоров и правила святых отцов. Эти обстоятельства подчеркивают разницу между Западом и Востоком в части источников канонического права.

Простая констатация факта различия, естественно, порождает вопрос о причинах этого различия. Вопрос этот, впрочем, исторически приобрел не столько научный, сколько полемический или даже обвинительный характер — одна церковь обвиняла другую в отходе от изначальной традиции.

Мы же склонны видеть во внешнем различии источников на Западе и Востоке не исключительно разницу, но различные проявления сходного процесса.

Вначале несколько слов о внешней разнице — о декреталях на Западе, о законодательстве императоров и правилах святых отцов на Востоке.

Под декреталями понимаются решения пап, адресованные отдельным лицам или всей церкви, как правило по вопросам церковной дисциплины¹. Декреталям сыграли роль одного из основных источников средневекового канонического права: вторая часть свода канонического права (*Corpus juris canonici*) составлена именно из декреталий римских пап.

Как правило, традиция относит происхождение декреталий к обычаю, вследствие которого епископы церкви в западных провинциях Римской империи при возникновении каких-либо вопросов (главным образом связанных с церковной организацией и дисциплиной, а также литургическими вопросами) обращались за разъяснением к епископу Рима. При этом показательное следующее. В течение первых четырех веков христианства письма-ответы римских епископов по своему стилю походили на то, что получило название в литературе «раннехристианские письма», и характеризовались они таким же «братским пастырским стилем», что и другие раннехристианские письма². Этот стиль напоминал более проповедь, отдавал предпочтение увещаниям, объяснениям, пастырским напутствиям, а не юридической терминологии — последняя появлялась в них как исключение, когда речь заходила о сугубо юридических вопросах. Сходство такого стиля ранних декреталий с «раннехристианскими письмами» проявляется и при сравнении их с соборными постановлениями, которые как раз отличались гораздо более выраженной юридической стилистикой.

Впоследствии ситуация меняется. По своему содержанию декреталям становятся не просто ответом равного на поставленный вопрос, но официально интерпретируют существующие нормы канонического права и, более того, — создают новые. А по своей форме (стилю) декреталям все более становятся *responsum*, по аналогии с офи-

циальными документами римского права. Вместо усилия и попыток найти ответ на поставленный вопрос, декреталям становится приказом, изобилуя терминами «мы приказываем», «мы определяем», «сообщаем», «повелеваем», «мы хотим». «Тон этих писем становится тоном верховенства: умеренным, недоступным и иногда тоном резкой любезности»³. И именно такие декреталям становятся одним из основных (если не основным) источников канонического права Средних веков, составивших значительную часть свода канонического права, сохранявшего свою силу вплоть до кодификации западного канонического права в начале XX века.

Если отличие западной традиции состояло в появлении и развитии декреталий как основного источника средневекового канонического права, то на Востоке отличительной особенностью становится появление таких источников, как императорские конституции и правила святых отцов.

Что касается правил святых отцов, то этот источник известен восточному каноническому праву еще с доникейской эпохи, — в свод правил входят правила святых Дионисия и Петра Александрийских, а также святителя Григория Чудотворца. Впоследствии свод правил Восточной церкви дополнился правилами Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Амфилохия Иконийского, Кирилла Александрийского, Геннадия Константинопольского, Тимофея и Феофила Александрийских.

Конституции (законы) римских императоров не являются «изобретением» канонического права — этот вид источников известен римскому праву давно. Но с IV века императорские конституции начинают регулировать и вопросы церковной жизни, причем не только в части взаимоотношений церкви и государства, и вопросы внутрицерковной жизни, фактически становясь частью восточного канонического права. Сборники канонического права Восточной церкви даже приобретают характерное название «номоканон» (в славянской транскрипции — «законоправильник») — от греческого «номос» — закон, т.е. светский, императорский закон, и «канон» — в традиционном понимании этого термина как источника церковного права.

¹ Католическая энциклопедия. Том I. М.: Изд-во Францисканцев, 2002. С. 1582.

² См., напр.: Jasper D., Fuhrmann H. *Papal Letters in the Early Middle Ages*. The catholic University of America Press. Washington, D.C., 2001. P. 18.

³ Там же. P. 19.

В восточной традиции мы имеем целую серию номоканонов, древнейший из которых — номоканон Иоанна Схоластика, а наиболее известный — «Номоканон в XIV титулах» патриарха Фотия.

Мы полагаем обратить внимание на то, что при очевидной внешней разнице указанные источники права таят в себе сходство на ином уровне. Как в западных, так и в восточных источниках канонического права можно усмотреть наличие двух традиций — учительской и властной.

Эти традиции отчетливо проявили себя уже в раннем каноническом праве (каноническом праве Древней церкви). Учительская традиция представлена в раннехристианских произведениях, которые, являясь источниками раннего канонического права, по содержанию и стилю более пастырские, чем юридические, скорее похожи на трактат из области нравственного богословия, чем на юридический документ. Таковы «Дидахэ», «Дидакалии». Даже собственно *нормы* в изложении этих источников предстают более как поучение в сравнении с традиционным пониманием нормы. Вот пример из Дидахэ: «Два пути есть, один — жизни, другой — смерти, и велико различие... Путь жизни есть сей. Во-первых, возлюби Бога, сотворившего тебя, во-вторых, ближнего твоего, как самого себя... Учение сих слов таково. Благословляйте проклинающих вас и молитесь о врагах ваших, поститесь о гонителях ваших. Ибо какая благодать, если любите любящих вас? Не то же ли делают и язычники? Вы же любите ненавидящих вас, и не будет у вас врага»⁴.

Властная традиция в источниках права Древней церкви проявила себя через каноны соборов. Отнести эти источники к властной традиции справедливо по двум основаниям. Во-первых, каноны соборов сформированы именно как нормы с их приказным стилем и установленными за их нарушение дисциплинарными санкциями. Во-вторых, соборное нормотворчество происходило при участии императорской власти — не в смысле диктата со стороны императора, но в смысле *присутствия* императора на соборе, что придавало церковному собору иной *политический* вес, властность.

В свете сказанного дальнейшее углубление внешнего различия в источниках права можно представить не как абсолютное различие, а как различные проявления общего процесса — взаимодействия учительской и властной традиций. Так, в декретах воплотился как «учительский», так и «нормативный» стиль, характерный для источников канонического права Древней христианской церкви. Действительно, когда декретах исходит от папы как «братское раннехристианское письмо», ясно виден учительский стиль; когда же папа издает *responsum*, учительский стиль уступает место нормативному. Но при этом ясно, что западная традиция канонического права в своем развитии обнаружила присутствие, взаимодействие, переплетение учительской и нормативной традиций в основном источнике средневекового канонического права. Средневековая канонистика в связи с этим указала на следующее интересное обстоятельство. В авторитетном источнике средневекового канонического права «Согласование несогласованных канонов» (Декрет Грациана) исследуется вопрос о соотношении юридической силы папских декретов и толкований Священного Писания святыми отцами. Позиция Грациана сводится к следующему. На первый взгляд, мнения Августина и других авторов должны иметь преимущество в отношении декретов понтификов, по крайней мере ряда из них, — мнение того, кто имеет больший запас знаний, является более авторитетным. Святые отцы, будучи исполненными Духа Святого, превосходят других в познаниях, поэтому их мнение должно иметь больший авторитет, чем декретах. Но в то же время одно дело — правильно истолковать Священное Писание, дать более правильный ответ на поставленный вопрос, а другое — разрешить конкретную проблему: для этого требуется не только знание, но и власть. Поскольку святые отцы, превосходя понтификов в знаниях, уступают им в решении проблем, поскольку не облечены таким же властным достоинством, Грациан заключает, что за декретах римских пап следует признать больший канонический авторитет, чем за творениями святых отцов, в том числе и Отцов Церкви⁵.

⁴ Дидахэ, 1. Цит. по: Учение двенадцати апостолов // Писания мужей апостольских. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003.

⁵ Decretum, D.XX.

Корпус восточных источников канонического права также демонстрирует присутствие, взаимодействие, переплетение учительской и нормативной традиций. Тот факт, что императорские конституции являются нормативным по форме и стилю источником, очевиден. Правила святых отцов столь же естественно обнаруживают значительное присутствие учительской традиции. При этом на Востоке *переход* от учительского к нормативному стилю не столь явно выражен, — полагаем, это можно объяснить тем, что на Востоке присутствовало в этом смысле два правотворческих источника, изначально и постоянно различных по своему стилю, — учительский, выразившийся в творениях (правилах) святых отцов, и нормативный, выраженный в императорском законодательстве по церковным вопросам. Одновременное присутствие этих двух различных источников правотворчества позволяло им сохранять свои стилистические особенности относительно неизменными, в то время как на Западе ситуация была иная: поскольку основным источником правотворчества становится папа, то совмещение этих двух стилей в одном лице становится менее практически выполнимым и один из них должен был уступить первенство другому. Но отсутствие на Востоке явного *перехода* от учительского к нормативному стилю тем не менее не отрицает *превалирования* нормативного стиля над учительским, — мы не хотим тем самым сказать, что императорское законодательство превалировало над собственно церковным, а имеем прежде всего в виду, что основным источником канонического права на Востоке остаются каноны Вселенских и ряда провинциальных соборов, а соборные правила, естественно, следует отнести к соборно-нормативной традиции.

Итак, внешне различные источники канонического права на Западе и Востоке можно представить не как абсолютное различие, но как различные проявления сходного процесса — одновременного наличия и взаимодействия учительской и властной традиций в церковном правотворчестве.

Но сразу встает следующий вопрос: является ли наличие указанных традиций «монополей» христианского канонического права? Мы считаем возможным прояснить этот вопрос в сравнении с процессами, про-

исходившими в другой религиозно-правовой системе — еврейском праве. Сравнение оправданно как по причине того, что обе системы являются религиозно-правовыми, так и в силу родственности их религиозных источников, поскольку обе системы являются правовыми системами библейского происхождения.

В еврейском праве можно усмотреть по крайней мере три источника, обнаруживающие сходство с теми процессами, которые привели к возникновению рассмотренных выше источников в западной и восточной традициях канонического права. Эти источники суть законодательство светских владык, законодательство раввинов и *responsa*.

Присутствие законодательства светских владык в еврейском праве несложно объяснить историческими особенностями жизни еврейского народа без своего государства. В этих условиях попытка сохранения права Торы не могла иметь «стопроцентный успех» в том смысле, чтобы Тора оставалась единственным источником права, — присутствие в другом государстве делало присутствие светского, «царского» законодательства неизбежным в правовом поле еврейского народа. Знатоки еврейского права⁶ объясняют философию этой интеграции следующим образом: «...законы Торы более обращены к достижению целей более высокого уровня, чем благополучие общества, поэтому мы поставили короля над собой для достижения этой последней цели... цель судей и Синедриона состоит в том, чтобы судить людей в соответствии с изначально правдивым и праведным законом, через который в нас входит Божья воля, независимо от того, произойдет ли от такого суда благополучие общества. Следовательно, возможно, что иногда нееврейское право способствует общественному благополучию более, чем некоторые законы Торы... задача судей — судить в соответствии с законами Торы, которые изначально справедливы... и задача короля — стремиться к достижению общественного благополучия и делать то, что необходимо соответственно времени»⁷.

⁶ В данном случае мы приводим цитату из комментариев Нисима Геронди (Ран) — знаменитого знатока еврейского права, жившего в средневековой Испании.

⁷ Цит. по: Menahem Elon. Jewish Law: History, Sources, Principles. Philadelphia, 1994. P. 56.

Итак, изначальный источник религиозно-правовой системы — Тора — обращен «вверх», к достижению более высоких целей, нежели каждодневных, земных. Но это не означает, что такие земные цели должны быть проигнорированы с точки зрения религиозно-правовой системы, — напротив, это означает, что они должны получить разрешение более адекватными средствами, чем Тора. В этом смысле законодательство королей как раз и служит цели гармонизации высшего права с повседневными потребностями общества.

В то же время Тора позаботилась о том, чтобы законодательство светских владык имело место не как отход, отрицание Торы, но именно как гармонизация высшего закона с повседневной жизнью. Тот же Ран указывает в связи с этим на изречение Торы, относящееся к царю: «...когда он сядет на престоле царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, находящейся у священников-левитов, и пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научался бояться Господа, Бога своего и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии; чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево»⁸, толкуя это изречение таким образом, что в отличие от священников, которые судят исключительно по закону Торы, царю необходимо иметь при себе Библию постоянно, дабы его забота о социальном благополучии осуществлялась именно в свете закона Торы.

Следует отметить, что законодательство светских владык не ограничивается только королевским законодательством — эта разновидность источников еврейского права представлена и законодательством авторитетов — Галахой. Так, например, согласно талмудической традиции⁹, экзилархи Вавилона располагают королевским достоинством — их законодательство имеет силу законодательства королей. Концептуально это обосновывалось следующим образом: там, где нет короля, законодательные prerogatives короля принадлежат нации в целом, соответственно, лидеры нации в конкретных исторических условиях занимают

место короля как законодателя¹⁰. Отсюда можно провести параллель между законодательством, исходящим от экзиларха Вавилона, и декреталями римских пап: как в одном, так и в другом случае властная составляющая исходит от лица, облеченного религиозной властью.

Другие отмеченные выше виды источников — законодательство раввинов и *responsa* — связаны с таким интереснейшим и многоплановым явлением в еврейском праве, как «Устный Закон». Суть этого термина проступает в сравнении с термином «Писанный Закон». Писанный закон означает собственно содержание Торы, воплощенной в ее кошерном тексте, в то время как «Устный Закон» в самом широком смысле означает весь корпус Галахи во всех разновидностях источников в ходе исторического развития еврейского права. Концептуальная основа «Устного Закона» выводится знатоками еврейского права из следующего изречения Библии: «И сказал Господь Моисею: напиши себе слова сии, ибо в сих словах Я заключаю завет с тобою и с Израилем»¹¹. В истолковании школы рабби Ишмаэля это означает, что именно *эти* слова он должен был записать, но не записывать другие, которые были переданы устно¹².

Одной из существенных составляющих «Устного Закона» стало раввинское право — та часть еврейского права, которая не содержится непосредственно в изречениях Торы, но является результатом раввинского истолкования Торы. Эта часть еврейского права приобрела особое значение при решении конкретных казусов, на которые не было прямого ответа непосредственно в тексте Торы.

Что касается *responsa*, то они представляют собой часть Галахи, — это ответы авторитетных знатоков еврейского права на поставленные перед ними вопросы, при этом содержание вопросов имеет отношение прежде всего к правовому решению социально-экономических аспектов жизни субъектов еврейского права. Справедливо отметить, что раввинское право тоже формируется как ответы на поставленные вопросы, но при этом *responsa* имеют более формальный характер, поскольку вопросы

⁸ Втор. 17:18-20.

⁹ Вавилонский Талмуд. Трактат «Сангедрин», 5а.

¹⁰ См.: Menaheem Elon. Op. cit. P. 59.

¹¹ Исх. 34:27.

¹² Menaheem Elon. Op. cit. P. 224.

возникали в связи с конкретным судебным делом и использовались стороной в качестве доказательства своей правоты в процессе.

Описанные выше обстоятельства позволяют сделать ряд заключений.

Во-первых, как еврейское право, так и каноническое (в обеих традициях) не могут ограничиться собственно священным религиозным текстом в качестве своего единственного источника: как та, так и другая в ходе своего исторического развития приобретают источники, выполняющие цель применения священного текста к конкретным жизненным обстоятельствам. В результате в еврейском праве в качестве такого дополнительного источника возникает и рассматривается выше его разновидностях (раввинское право и *responsa*); равным образом дополнительные источники, преследующие ту же «земную» цель, возникают и в каноническом праве.

Во-вторых, обращает на себя внимание сходство в принципиальном характере этих дополнительных источников. Эти источники не полностью аналогичны — можно проводить между ними аналогии, но всегда будут и отличия. Принципиальное сходство мы видим в следующем: помимо уже отмеченной выше их общей направленности на применение священного текста к реальным жизненным ситуациям, в них отчетливо проявляются властная (законодательство светских владык и экзархов в еврейском праве, императоров и римского папы — в каноническом) и учительская (раввинское право и *responsa* — в еврейском, каноны святых отцов и учительские декреты — в каноническом) составляющие.

Наконец, тот факт, что эти процессы проявляются в религиозно-правовых системах, которые традиционно рассматриваются как отличные друг от друга, свидетель-

ствует в пользу того, что подобного рода процессы характерны для религиозно-правовой системы вообще. Концептуальное обоснование такого естественного для религиозно-правовой системы положения дел мы находим, например, в объяснении необходимости законодательства светских владык и *responsa* в Галахе, о чем также шла речь выше. Эта необходимость восходит к сути религиозно-правовой системы, которая основана на изначально не юридическом, но священном тексте, который для применения в реальной жизни требует своего истолкования и применения с учетом особенностей того времени, той социальной реальности, в которой такое применение осуществляется, с учетом интересов конкретных людей, нуждающихся в таком применении.

Если же это так, то внешне столь различные источники, которые присутствуют в затронутых в настоящей статье трех религиозно-правовых традициях, справедливо признать лишь различными проявлениями общего — властно-учительской парадигмы как характерной черты религиозно-правовой системы. Поскольку это характерная черта религиозно-правовой системы вообще, она с неизбежностью должна была проявиться и в восточном, и западном каноническом праве. Внешние различия лишь отражение различных обстоятельств места и времени, и было бы неправильно акцентировать внимание на этом внешнем (даже, что особенно печально, обвиняя кого-то в узурпации власти, кого-то в цезарепапизме), не видя того общего, что стоит за различием внешних проявлений.

Литература

1. Jasper D., Fuhrmann H. Papal Letters in the Early Middle Ages. The catholic University of America Press. Washington, D.C., 2001. P. 18.
2. Menahem Elon. Jewish Law: History, Sources, Principles. Philadelphia, 1994. P. 56.

Этапы развития славянофильского государственно-правового идеала

*Андреев Николай Юрьевич,
преподаватель кафедры финансового права
юридического факультета
Воронежского государственного университета,
кандидат юридических наук
wredig@rambler.ru*

Статья посвящена этапам развития славянофильского государственно-правового идеала. Автор различает три стадии развития этого идеала: 1) раннеславянофильский; 2) неославянофильский; 3) позднеславянофильский. Такое деление обосновывается развитием пяти базовых принципов государственно-правового идеала славянофилов.

Ключевые слова: славянофильство, славянофильство, этапы развития, политико-правовое учение, неославянофильство, поздние славянофильство.

Stages of Development of Slavophile State Legal Ideal

*Andreev Nikolay Yu.,
Lecturer of the Financial Law Department
of the Law Faculty of the Voronezh State University,
Candidate of Legal Sciences*

This article tells about phases of progress of the Slavophil state and law ideal. Author differs three phases of this ideal: 1) early Slavophil; 2) Neoslavophil; 3) late Slavophils. Such segmentation is based on progress of five basic principles of the state and law Slavophil ideal.

Key words: Slavophils, Slavophil Thought, phases of progress, state and law ideal, neoslavophils, late slavophils.

Еще с конца XIX — начала XX века предлагалось делить интересующее нас общественно-политическое движение на два этапа: 1) раннее (классическое) славянофильство; 2) позднее славянофильство (или неославянофильство, или этап «разложения» славянофильства)¹. Существовало несколько еще более дробных периодизаций. Так, иногда выделяли четыре этапа в славянофильстве: 1) ранних славянофилов (А.С. Хомякова, И.В. Киреевского); 2) последователей А.С. Хомякова и И.В. Киреевского (К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина и др.); 3) И.С. Аксакова, В.А. Черкасского и др.; 4) авторов журналов «Беседа» и т.д.². А.А. Тесля рассматривал шесть этапов славянофильства: 1) 1830–1845 гг.; 2) 1845–1855 гг.; 3) 1856–1862 гг.; 4) 1863–1866 гг.;

5) 1867–1878 гг.; 6) 1879–1886 гг.³. С.М. Сергеев разбил славянофильство на три этапа: 1) «теоретическое» славянофильство (1839–1857 гг.); 2) «практическое» славянофильство (1858–1882 гг.); 3) позднее славянофильство (1883–1910 гг.)⁴. С.В. Мотин включал в славянофильство три этапа, но разбивка у него несколько отличается от предыдущей: 1) раннее славянофильство; б) среднее, оно же панславянофильство; 3) позднее славянофильство⁵.

Как представляется, вышеуказанные авторы обращают чрезмерное внимание на

¹ Милуков П.Н. Разложение славянофильства // Милуков П.Н. Из истории русской интеллигенции: сборник статей и этюдов. СПб., 1902. С. 266–267.

² Погодин М.П. К вопросу о славянофилах // Гражданин. 1873. 12 марта. № 11. С. 347–352; 26 марта. № 13. С. 415–420.

³ Тесля А.А. Этапы истории славянофильства в контексте исследований национализма // Общество. Мышление. Личность: сборник научных трудов / под ред. проф. Л.Е. Бляхера. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2010. С. 24–32.

⁴ Сергеев С.М. Творческий традиционализм поздних славянофилов. Статья первая: Проблема позднего славянофильства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41483.php>.

⁵ Мотин С.В. Славянофильство: начало. Этапы, окончание // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. Ч. III. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2012. С. 88.

хронологию, принимая идейное развитие за второстепенный критерий. Представляется, что подобная позиция не позволяет отразить всю специфику эволюции славянофильского политико-правового учения. Именно критерий развития основных идей славянофильства следует положить в основу его периодизации. Упростить данную задачу можно, используя концепцию государственно-правового идеала. Под ним мы понимаем совокупность взглядов того или иного мыслителя либо целого общественного движения на конструкцию права и идеальную форму государства⁶.

Так, например, труды И.С. Аксакова несколько отличались от работ его старших современников: он развил доктрину славянофилов об обществе, насколько возможно, обосновал и, главное, упростил для понимания различие общества и народа в славянофильской доктрине. Подобного не сделали ни А.С. Хомяков, ни К.С. Аксаков, ни Ю.Ф. Самарин. Однако по части взглядов на государство и право, т.е. характеристики государственно-правового идеала, вряд ли можно говорить о существенном отличии И.С. Аксакова от других, ранних славянофилов. Нет оснований и для причисления его к более верным сторонникам панславизма, чем, например, А.С. Хомякова (на что указывает С.В. Мотин). Во-первых, панславизм является характеристикой внешнеполитических взглядов и не влияет на предпочитаемую форму правления: среди панславистов были такие разные по политическим взглядам персоны, как декабристы из Общества соединенных славян, М.П. Погодин, М.А. Бакунин, что не мешало всем им оставаться в русле панславистских взглядов. Во-вторых, многие другие славянофилы, причисляемые к ранним, обладали столь же теплым отношением к славянскому единству. Например, А.С. Хомяков посвятил свои последние труды сербскому народу, признавал, что питает теплые чувства к славянству⁷. При этом обстановка в Европе в годы жизни основателей славянофильства

(в отличие от 1870-х годов) не способствовала более активной практической работе. Доживи А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, И.В. Киреевский до начала Русско-турецкой войны, не исключено, что они активно помогали бы освобождению славянских народов от турецкой власти (как это делал И.С. Аксаков).

По схожим соображениям не представляется возможным согласиться с выделением «практического» славянофильства, которое С.М. Сергеев относит к 1858–1882 годам. Во-первых, многие ранние славянофилы были вовлечены в «практическую» деятельность. Так, Ю.Ф. Самарин в конце 1840-х годов служил в Остзейском крае, одновременно занимаясь публицистикой. И.С. Аксаков в свою очередь в 1842–1851 годах выполнял достаточно ответственные сенатские поручения, работал в составе ревизионной комиссии в Астрахани, изучал бессарабских старообрядцев⁸. Это позволяет считать, что даже «ранние» славянофилы отнюдь не занимались одной только публицистической деятельностью. Кроме того, внутренняя политика империи не позволяла привлечь славянофилов к разработке Великих, — та была сконцентрирована в очень узком кругу доверенных лиц Николая Первого, а позже — Александра Второго. Однако, как только к проектированию освобождения крестьян приступили достаточно широкие общественные круги, славянофилы заняли весьма заметное место в этом деле. Так, например, Ю.Ф. Самарин составил черновик Манифеста об освобождении крестьян⁹. В этой связи столь условное деление на «теоретический» и «практический» периоды в существовании славянофильства, на наш взгляд, не имеют под собой оснований.

Требуется основывать периодизацию славянофильства в первую очередь на формировании взглядов на государственно-правовой идеал, их развитии. Нет никаких препятствий к тому, чтобы даже более поздний автор мало чем отличался в своих взглядах от более раннего, почти ничего существенного не прибавляя к учению. Спустя много лет идеи остаются практически

⁶ См., например: Андреев Н.Ю. Государственно-правовой идеал славянофилов: истоки и развитие: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2015. С. 12.

⁷ См., например: Хомяков А.С. К сербам // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. М.: Университетская типография, 1900. С. 393–403.

⁸ См., например: Тесля А.А. Последний из «отцов»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 24, 51, 52.

⁹ См.: Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. М.: Эксмо, 2003. С. 146–147, 185–186.

неизменными, что не позволяет говорить о сколько-нибудь их существенном развитии.

Более правильным, на наш взгляд, является разделение на ранних (классических) славянофилов и неославянофилов. Действительно, многие из причисляемых ко второму этапу развития славянофильства (А.А. Киреев, С.Ф. Шарапов и др.) привнесли определенную новизну в концепцию славянофильства либо же дооформили, осмыслили, «проговорили» то, что было у славянофилов не столь четко выражено. По этой же причине не представляется возможным говорить о «разложении» славянофильства: какое может быть разложение при развитии, при разработке концепции новой земской реформы, иных важнейших славянофильских вопросов?

Вместе с тем, при делении славянофильства на два этапа возникает ряд проблем. Во-первых, имеется определенный временной разрыв. Если основные труды неославянофилов начали появляться в последние годы XIX в., то выход ключевых работ ранних славянофилов приходится на 40–50-е гг. XIX в. и прекратился в связи со смертью А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова. Возникает определенный разрыв, который может привести к идее, что славянофильская мысль между 60–90-ми гг. XIX в. существенным образом не развивалась (если не считать определенной проработки, «проговаривания» славянофильских идей И.С. Аксаковым и Ю.Ф. Самариним). Во-вторых, к числу неославянофилов иногда относят совершенно разных по своим идеям авторов, например, В.С. Соловьева и К.Н. Леонтьева. Концепции последних, как нам представляется, совершенно противоречат славянофильскому государственно-правовому идеалу, хотя они могли быть близки к А.С. Хомякову и его единомышленникам в части культурных воззрений.

Как мы указывали в других своих работах, переходным звеном между ранним славянофильством и неославянофильством можно считать почвенничество¹⁰. К представителям данного течения мы относим — по причине общности государственно-правового идеала — не только А.А. Григорьева,

братьев Достоевских, Н.Н. Страхова, но также и Н.Я. Данилевского. Анализ политико-правовых идей указанных мыслителей позволяет отнести почвенничество к одному из этапов развития славянофильства. Почвенники разрабатывали несколько иные аспекты славянофильства, а именно идею народности, и нравственные аспекты славянофильского правового учения. В свою очередь неославянофилы практически не затрагивали данные вопросы¹¹, обращая внимание на природу самодержавной власти (Д.А. Хомяков), взаимоотношение власти и народа посредством Земского собора (А.А. Киреев), систему местного самоуправления и территориального деления России (С.Ф. Шарапов).

Наконец, замыкать развитие славянофильства неославянофильством было бы неправильно, — это просто привело бы к «повисанию в воздухе», появлению необоснованной мысли о полном своеобразии и обособленности таких мыслителей, как И.Л. Солоневич и Л.А. Тихомиров, в действительности продолжавших линию славянофильства. Представляется, что после неославянофильства начался последний этап развития славянофильского государственно-правового идеала — «народный монархизм», или, собственно, позднее славянофильство.

В качестве обоснования такой периодизации можно привести ряд аргументов. В первую очередь необходимо указать на ключевые идеи, принципы славянофильского государственно-правового идеала, приверженность которым позволяет причислить того или иного мыслителя к числу славянофилов:

1. Разделение предписаний на правду и право. Право — писаное законодательство, направленное на регулирование внешнего поведения человека, его жизни в обществе. Правда — совокупность нравственных, религиозных предписаний, призванная руководить внутренними порывами человека.

2. Самодержавие как надпартийная, надклассовая, надсословная форма правления, обладающая всей полнотой политической власти, ограниченной правдой и народным мнением. Для лучшего понимания было бы

¹⁰ См.: Андреев Н.Ю. О государственно-правовом идеале в общественно-политическом учении почвенников // История государства и права. 2015. № 6. С. 13–19.

¹¹ За исключением Д.А. Хомякова, затронувшего данную тему в своем ключевом труде «Православие. Самодержавие. Народность».

удачнее использовать термин «общественный интерес».

3. Земля (или земщина), русский народ, представляющий собой не совокупность индивидов (то есть людей, следующих в основном строго личным интересам), но соборное единство, всероссийскую общину, ставящую превыше всего правду и общенародный интерес. Причем земля должна быть «местно управляемой», то есть самоуправляемой, решающей вопросы местного значения при минимальном участии государства или вообще без такового¹².

4. Отсутствие преград для общения между Самодержавием и Землей. Наиболее эффективным средством такого общения славянофилы видели Земский собор — представительный орган, составляемый из лучших людей всего русского народа. Такой орган, включающий в себя все возможные группы, классы, сословия, должен был бы сформулировать общерусские интересы. Последние, как подчеркивали славянофилы, не есть сложение отдельных интересов, а скорее потребности соборного единства.

5. Развитие государства на основании русских традиций и народных потребностей. Это требовало отмены ряда петровских и послепетровских преобразований, изменения приоритетов внешней политики и т.д.¹³

Как представляется, приверженность данным принципам позволяет считать того или иного мыслителя славянофилом, отсутствие одного из них — уже ставит под вопрос подобную идентификацию. Все вышеизложенные идеи были заложены еще ранними славянофилами, но изложены далеко не всегда ясно и детально. Требовалась долгая и кропотливая работа по их разъяснению, «проговариванию», детализации. Эту задачу взяли на себе идейные преемники ранних славянофилов.

Причислить почвенников к славянофилам нас объективно вынуждает развитие идей, которые мы объединили в пункты 1, 4, 5. Ф.М. Достоевский достаточно подробно (но преимущественно в художественной

или публицистической форме) излагал содержание правды как нравственного императива. А.А. Григорьев (как «почву») и Н.Я. Данилевский (как «славянский культурно-исторический тип») проанализировали русские традиции. Собственно говоря, почвенники первыми среди славянофилов дали подробное изложение правды и русской традиции, на которых должен был строиться славянофильский государственно-правовой идеал. Системная проработка самодержавия и представительства, земского устройства у почвенников практически отсутствовала¹⁴.

Неославянофилы в свою очередь подробно остановились на работе Земского собора (А.А. Киреев) и местном самоуправлении (С.Ф. Шарапов, Д.Н. Шипов), а также на природе самодержавной власти (Д.А. Хомяков). Именно на этапе неославянофильства наконец-то было четко проработано «чаемое» земское устройство Российской империи. Раньше, по нашему мнению, это было невозможно: ранние славянофилы или не застали введение земств, или имели дело с еще только нарождающимся местным самоуправлением (И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин). Иными словами, отсутствовал материал для более глубокого теоретического осмысления земской системы. У неославянофилов же перед глазами был многолетний опыт работы земства, позволивший систематически изложить его недостатки и нужные преобразования.

Наконец, народные монархисты (прежде всего Л.А. Тихомиров) проработали вопрос о работе Земского собора и полномочиях самодержавия. В «Монархической государственности» дается уже стройная теория, включающая в себя политологическое, историческое, юридическое обоснование уникальной природы русского самодержавия¹⁵. До того подобные работы у славянофилов просто отсутствовали (даже книга «Православие. Самодержавие. Народность» Д.А. Хомякова была скорее историософским,

¹² См., например: Аксаков И.С. Смещение стихий государственной и земско-общественной // Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М.: РОССПЭН, 2002. С. 382.

¹³ См., например: Васильев А.А. Славянофилы о западноевропейской и русской правовых культурах // История государства и права. 2010. № 19. С. 32–34.

¹⁴ За исключением, может быть, одного Н.Я. Данилевского. См.: Данилевский, Н.Я. Несколько слов по поводу конституционных вождедений нашей «либеральной прессы» // Данилевский Н.Я. Политическая философия. Дополнения к книге «Россия и Европа». М.: Изд-во «ФИВ», 2013. С. 207–216.

¹⁵ См.: Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Айрис-пресс, 2006. С. 30, 83, 86, 372.

чем юридическим трудом). И.А. Солоневич максимально обобщил, в определенной мере упростив, славянофильское учение. После него, на наш взгляд, славянофильство практически не развивалось: ко второй половине XX века был достигнут максимально возможный на тот момент предел обобщения и обоснования славянофильского государственно-правового идеала. Кроме того, оба указанных автора наконец-то сформулировали принцип представительства в Земском собрании: формироваться оно должно было на корпоративных, беспартийных началах.

Литература

1. Аксаков И.С. Смещение стихий государственной и земско-общественной // Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М.: РОССПЭН, 2002. С. 375–383.
2. Андреев Н.Ю. Государственно-правовой идеал славянофилов: истоки и развитие: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2015. 205 с.
3. Андреев Н.Ю. О государственно-правовом идеале в общественно-политическом учении почвенников // История государства и права. 2015. № 6. С. 13–19.
4. Васильев А.А. Славянофилы о западноевропейской и русской правовых культурах // История государства и права. 2010. № 19. С. 32–34.
5. Данилевский Н.Я. Политическая философия. Дополнения к книге «Россия и Европа». М.: Изд-во «ФИБ», 2013. 288 с.
6. Миллюков П.Н. Разложение славянофильства // Миллюков П.Н. Из истории русской интеллигенции: сборник статей и этюдов. СПб., 1902. С. 266–306.
7. Мотин С.В. Славянофильство: начало. Этапы, окончание // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. Ч. III. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2012. С. 83–88.
8. Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
9. Погодин М.П. К вопросу о славянофилах // Гражданин. 1873. 12 марта. № 11. С. 347–352; 26 марта. № 13. С. 415–420.
10. Сергеев С.М. Творческий традиционализм поздних славянофилов. Статья первая. Проблема позднего славянофильства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41483.php>.
11. Тесля А.А. Последний из «отцов»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль, 2015. 800 с.
12. Тесля А.А. Этапы истории славянофильства в контексте исследований национализма // Общество. Мышление. Личность: сборник научных трудов / под ред. проф. Л.Е. Бляхера. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2010. С. 24–32.
13. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Айрис-пресс, 2006. 624 с.
14. Хомяков А.С. К сербам // Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. М.: Университетская типография, 1900. С. 393–403.
15. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М.: РОССПЭН, 2007. 680 с.

Особенности формирования правосознания дагестанской молодежи

*Асваров Нариман Асварович,
декан исторического факультета
Дагестанского государственного педагогического университета,
кандидат исторических наук, доцент
sharafutdin@list.ru*

В статье ставится задача показать особенности формирования правосознания и правовой культуры у дагестанской молодежи. Значительное внимание в работе уделяется обычаям и традициям, положительно влияющим на процесс формирования правосознания дагестанской молодежи, говорится о негативно сказывающихся на этом процессе факторах. Анализируется вопрос о соотношении правового и религиозного сознания в дагестанском обществе.

Ключевые слова: правосознание, правовое воспитание, молодежь Дагестана, особенности формирования, факторы влияния.

Features of Dagestan Youth Legal Awareness Formation

*Asvarov Nariman A.,
Dean of the History Faculty
of the Dagestan State Pedagogical University,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

In article the task to show features of formation of sense of justice and legal culture at the Dagestan youth is set. The considerable attention in work is paid to customs and the traditions which are positively influencing process of formation of sense of justice of the Dagestan youth, spoken about factors negatively affecting on this process. The question of a ratio of legal and religious consciousness in the Dagestan society is analyzed.

Key words: sense of justice, legal education, youth of Dagestan, features of formation, influence factors.

С учетом смены ценностных ориентиров в системе социализации молодого поколения вопрос правосознания молодежи в наши дни приобретает особую значимость. Кризисные явления в России, преломляясь через специфические социально-психологические факторы формирования правосознания молодого поколения, отражаются в его сознании обостренно и даже парадоксально. Формирование правосознания дагестанской молодежи на современном этапе происходит в крайне сложных условиях демократизации и капитализации общества, в условиях усиления религиозно-политического экстремизма в Дагестане и на Северном Кавказе. Существующая в современном обществе ситуация способствует нарастанию в молодежной среде криминальных настроений, стремлению к быстрому обогащению, нигилистическому созерцанию мира.

Ввиду этого одной из первоочередных задач современной отечественной юридической науки и практики является разработка на ближайшее время и на перспективу единой эффективной общенациональной пра-

вовой политики государства, одним из критериев эффективности которой является высокий уровень общей и правовой культуры и правосознания граждан и должностных лиц. Проблемы правосознания молодежи не сиюминутны, это сущностные, юридически насыщенные проблемы переломной эпохи в истории России, а возможно, и мировой истории. Какова молодежь, таково и будущее, как считают многие ученые, политики, педагоги. Ставка на молодежь — императив Российской истории, по мнению авторов одной из первых комплексных монографий по современным проблемам российской молодежи. «Все реформы в России, начиная с петровских, творили молодые. Социальная революция современна, в основном, силами молодежи. Молодежь во многом была опорой тоталитарного режима, творцом «социальной действительности. Не кто иной, как прежде всего нынешняя молодежь и грядущие молодые поколения, призваны изжить пороки тоталитаризма, обустроить и возвысить Россию» [3, с. 159]. Также считал имам Шамиль, уделяя молодым особое внимание

при создании правового государства Имамат [5, с. 23].

Исследование особенностей формирования, выявления факторов, влияющих на уровень правосознания молодежи, с точки зрения перспектив российской государственности и сохранения территориального единства в таком геостратегически важном для России регионе, как Дагестан, — актуальная проблема для всего российского общества.

Несомненно, от уровня развития правосознания молодежи, ее образованности, правовой ориентации, мотивов поведения, правовой активности и т.п. зависят возможности ее воздействия на развитие общества, на создание правового государства, совершенствование юридических институтов. Поэтому важно всестороннее осмысление процессов, происходящих в сознании молодежи, прогнозирование тенденций и поиск решения проблем молодых людей.

На уровень правосознания молодежи Дагестана огромное влияние оказывают, с одной стороны, арабо-мусульманская культура Востока, которая являлась духовным ориентиром Дагестана вплоть до установления советской власти и возрождается с начала 90-х гг. XX в.; с другой стороны — российское общество, неотъемлемой составной частью которого является Дагестан в течение последних двух веков.

Кроме того, сегодня значительное влияние на общественную обстановку в Дагестане оказывает непростая геополитическая ситуация на Северном Кавказе, обусловленная не только нахождением данного региона в составе единого Российского государства, но и географической близостью с другими регионами, связанными единством региональных проблем, сложной структурой экономических связей. Соответственно, любые социокультурные и военно-политические проявления в этом регионе становятся ощутимыми для социальной ситуации в Дагестане и играют негативную роль.

Понятие «молодежь» в Дагестане по своему содержанию имеет несколько иное значение. Как отмечают исследователи, примерно сто лет тому назад в дагестанском обществе не было представления о детстве как отдельном жизненном периоде, что объясняется этническими, конфессиональными

ми, общекультурными и иными особенностями региона.

Современная дагестанская молодежь с неким недоверием относится к любой идеологии, в том числе и коммунистической, фактически не нашедшей себе официальной альтернативы. В республике самый высокий уровень безработицы, который в несколько раз превышает средний уровень по всей стране. Дагестан относится к числу одних из дотационных регионов Российской Федерации. В качестве главного фактора, продолжающего оказывать отрицательное влияние на рынок труда молодежи, — это опережающий рост численности трудовых ресурсов по сравнению с количеством вновь создаваемых рабочих мест. Особенно обострилось положение молодежи в 90-е годы XX столетия в результате обвального спада промышленного производства в городах, ликвидации колхозов, совхозов и филиалов промышленных предприятий в сельской местности и притока беженцев и вынужденных переселенцев в республику.

Чрезвычайно злободневной проблемой для Дагестана есть и остается преступность, которая отличается агрессивностью и специфическими регионально-национальными и религиозными чертами. Основным фактором, отрицательно влияющим на преступность среди молодежи, является занятость подростков учебой и трудом. Такое тяжелое положение требует принятия срочных мер со стороны руководства Дагестана, в частности, определения квот для трудоустройства несовершеннолетних на предприятиях, в организациях, учреждениях с учетом льготного налогообложения этих организаций.

Важнейшим условием успешности проводимых в России реформ будет обращение к культурному наследию и религиозным факторам, которые, несомненно, могут сыграть значительную роль в укреплении правопорядка, повышении уровня правосознания молодежи, утверждении идей истинной высшей законности и правовой дисциплины, преодолении правового нигилизма в целом как в стране, так и в регионах.

Религиозное и правовое сознание в одних случаях тесно переплетены между собой, в других — существуют параллельно. Приобщенность к религии поощряется общественным мнением и придает молодод-

му человеку особый статус и признание. На правосознание молодежи религиозный фактор оказывает в целом положительное влияние. Росту религиозного самосознания молодежи в значительной степени способствуют тысячи построенных за последние годы мечетей в городах и селах Дагестана, открытие религиозных школ (медресе), исламских вузов, свободный выезд паломников в Саудовскую Аравию, изучение арабского языка в образовательных учреждениях республики, теле- и радиопередачи на религиозные темы по местным и центральным каналам [6, с. 41–42].

Религиозные и нравственные нормы, не противоречащие представлениям о справедливости, истине и правде, способны найти отклик в массовом правосознании дагестанской молодежи. Важно, возрождая религиозную культуру, которая была традиционно присуща дагестанскому обществу, сохранить светский характер Республики Дагестан.

В течение длительного периода большой моральный потенциал несли в себе обычаи (адаты) и традиции, кодекс чести (намус), имевшие высшую силу, спланивая все народы Дагестана. Воспринятые в семье моральные принципы молодежи являются наиболее устойчивыми, потому что здесь они доводятся до уровня чувства, которое в дальнейшем самой личностью может восприниматься как врожденный инстинкт. В зрелом возрасте этностереотипы продолжают влиять на личность через социальный институт общественного мнения, способный оказать громадное влияние на процесс нравственно-правового воспитания личности, а тем самым и на процесс социализации в целом. Личность «воспроизводит» основные традиции в процессе социализации подрастающего поколения, а также в поддержании этнического социально-духовного равновесия. Объем понятия традиционного правосознания в значительной степени соответствует объему понятия религиозно-правосознания.

Обычаи и традиции в жизни дагестанцев всегда играли важную роль и служили основой для формирования межнациональной и межконфессиональной толерантности [2, с. 52]. Нарушение обычаев наказывалось гораздо строже, чем нарушение права, установленного государством или шариатом

(мусульманским правом). Даже изменения материальной, социально-экономической основы тех или иных обычаев не приводят к их полному исчезновению. Именно на основе традиций у молодежи формируются положительные качества, являющиеся общечеловеческими ценностями.

В связи с этим нуждаются в пропаганде не только право, но и положительно влияющие на правосознание молодежи обычаи и традиции. Особенно это актуально в условиях урбанизации и отсутствия в семье представителей старшего поколения, которые могли бы передать положительный опыт молодым членам семьи. Поэтому перед законодателем стоит важная задача — изучить нормативное воздействие религии, обычаев и традиций с целью эффективного использования их в правотворческом процессе.

Основная цель правового образования — сформировать у молодого поколения правовые знания, выработать практические навыки, умения, которые важны в повседневной жизни. Сознательное восприятие и усвоение правовых требований, прав и обязанностей, следовательно, осознанный выбор и готовность к деятельности в правовой сфере социальной жизни молодежи Дагестана возможны только на базе научных знаний.

Исходя из этого, требуется коренным образом пересмотреть государственную политику в области правового образования как в регионах (Дагестан), так и в России в целом, которая должна быть подчинена цели интеллектуального подъема страны. Государству необходимо показать молодому человеку, что его личный интерес находится в сочетании с общественным. Чем крепче молодое поколение сможет соединить свои личные интересы с интересами общества, положениями правовых и моральных норм, тем выше будет уровень его активности, сформируются убеждения уважать право и закон, а также нетерпимо относиться к нарушениям законов и со стороны других граждан. С этой целью необходимо создание условий для социальной востребованности личностного потенциала молодежи, наличие общественной идеологии и концептуального обоснования молодежной политики как целостной, так и для различных социальных групп (школьники, студенты

средних профессиональных учебных заведений и вузов) [4, с. 146].

Средние профессиональные учебные заведения, в которых для старшеклассников существует курс основы права, фактически не в состоянии в должной мере выполнить возложенную на них задачу повышения правовой грамотности учащихся. Это связано как с самим содержанием курса, так и отчасти с уровнем и методикой преподавания данного предмета в учебных заведениях. В настоящее время наблюдается некий новый феномен в содержании правосознания молодежи, состоящий в том, что молодежь Дагестана обладает достаточными фактическими знаниями о праве, однако из-за того, что у нее отсутствуют положительные правовые убеждения и не выработана привычка правомерного поведения, в соответствующей ситуации она все же склонна переступить границы дозволенного, а иногда даже встать на преступный путь.

Следует заметить, что молодежь Дагестана заинтересована в изучении права. При этом она отдает предпочтение электронным информационно-правовым базам. Высокая заинтересованность в самостоятельном изучении норм права в Республике Дагестан особенно присуща студентам и лицам, закончившим процесс обучения [1, с. 36], что можно объяснить осознанием необходимости правовых знаний для успешного участия в жизни общества.

В результате перехода к новым социально-экономическим формам развития общества и связанным с ними процессам произошло отчуждение системы воспитания не только от ценностей мировой цивилизации, но и от традиций отечественной национальной культуры.

Исходя из всего вышесказанного важно отметить, что первостепенное значение имеет сохранение духовно-нравственного потенциала дагестанского общества, способствующего воспитанию молодежи в лучших прогрессивных традициях, восстановлению жизненной силы семейного, школьного, вузовского воспитания. При организации процесса воспитания следует учесть положительный опыт, накопленный в предшествующие годы, вносить новаторские идеи, не противоречащие духу дагестанского воспитания, использовать достижения мировой практики, разнообразить формы и методы образовательного процесса. Исторически сложившиеся общественные отношения, культура, быт, традиции и обычаи дагестанских народов являются одними из важных факторов формирования здорового правосознания молодежи в регионе.

Литература

1. Гасанов, Г.Г. Роль правового образования в формировании правосознания молодежи // Сборник статей Ассоциации молодых ученых Дагестана. Махачкала, 2006. № 30. С. 32-39.
2. Далгат, Э.М. Толерантность в традиционной культуре дагестанцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38). Ч. I. С. 51-54.
3. Ильинский, И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М., 2001. 696 с.
4. Козлова, Е.А. Формирование мировоззрения и толерантности молодежи в вузе // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (32). Ч. II. С. 144-146.
5. Рамазанов, А.Х. Военное искусство Шамиля. Махачкала, 1999. 404 с.
6. Ханбабаев, К.М. Религия и молодежь // Народы Дагестана. 1999. № 3. С. 41-47.

Наука в концепции Н.А. Бердяева

*Поскачина Марина Никитична,
доцент кафедры теории и истории
государства и права юридического факультета
Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова,
кандидат юридических наук
ms.marina4@mail.ru*

В работе рассмотрены критические взгляды Э. Гуссерля на натурализм и психологию, которые существенно отличаются от научной концепции Н.А. Бердяева. Проблема соотношения науки и философии приводит к возникновению новых проблем в предметной области науки права.

Ключевые слова: теория права, научная философия, феноменологический метод и концепция науки.

Science in the Conception of N.A. Berdyaev

*Poskachina Marina N.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History
of State and Law of the Law Faculty
of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article devoted to difference of opinion Gusserl and Berdyaev, make distinctions between science and philosophy.

Key words: theory of right, phenomenology method, scientific philosophy and conception science.

Наука как таковая не знает понятия ценности. Она стремится к познанию, а не занимается критикой¹. Эти слова немецкого философа Алоиза Рилья указывают на необходимость различения задач теории науки от задач философии, понимания пределов и предпосылок познания. В этом смысле задачей настоящей статьи является обоснование науки как явления в контексте соотношения науки и философии с позиции русского философа Н.А. Бердяева, взгляды которого отличаются от взглядов немецкого философа Э. Гуссерля, основателя феноменологической традиции. Актуализация изучаемого вопроса может быть созвучна и таким теоретическим вопросам, как базовые ценности права² и актуальные проблемы развития правовой науки в России³.

Любая наука неизбежно развивается; динамика науки права прослеживается посредством анализа методологического знания,

включающего содержание разных методов и соответствующих им подходов. При этом сам вопрос о науке остается дискуссионным, в частности вопрос о соотношении науки и философии. Между тем ответ на этот вопрос не может быть однозначным, так как постановка его имеет более глубокие причины, связанные с различием гносеологии и философии, гносеологии и эпистемологии. Речь идет о том, что современная теория права в поисках собственных оснований обращается как к гносеологии и онтологии, так и к эпистемологии. Традиционно принято считать, что изучение права как явления в контексте научного познания предполагает узнавание содержания теоретической философии. Поскольку наука права использует как общеправовые, так и общенаучные методы, применение этих методов приводит к определенным результатам, которые используются в качестве эмпирических данных для последующих теоретических исследований, при этом углубляется и расширяется предметная область самой науки, формируется новое методологическое знание. Между тем в стороне остаются вопросы о самой науке вообще и в частности о науке права как системе знаний, о соотношении науки и философии в контексте науч-

¹ Риль А. Введение в современную философию / пер. с нем. 2-е изд., доп. М.: URSS, 2009. С. 6.

² Ланова Г.М. Базовые ценности современного права // История государства и права. 2014. № 20. С. 23–26.

³ Мазурин С.Ф. Актуальные проблемы развития правовой науки в России // История государства и права. 2014. № 19. С. 7–11.

ного познания. Для устранения этого пробела будет интересным рассмотреть и понять две противоположные точки зрения на проблему соотношения науки и философии. В этом смысле представляется реальная возможность обратиться к воззрениям русского философа Н.А. Бердяева и немецкого философа Э. Гуссерля.

В представлении Э. Гуссерля философия есть строгая наука, благодаря которой расширяется горизонт человеческого мышления. В ее рамках ставятся разные вопросы, касающиеся методологии научного познания, в частности критики абсолютного духа Г. Гегеля, а также вопрос о том, что вообще есть «строгая наука»? В понимании Э. Гуссерля, в философской системе гегельянства «отсутствует критика разума, только и делающая вообще возможной философскую научность»⁴. По его мнению, научная несостоятельность предшествующей философии обуславливает образование строгой научной философии, способной уйти от спекулятивных рассуждений и предлагающей новую, конкретную методологию познания. На роль научной философии и следует претендовать феноменологии, которая должна выйти за рамки немецкой университетской философии и стать методологической базой, лечь в основу всех современных наук о сознании (феноменологическая психология, трансцендентальная феноменология) и бытии (универсальная онтология).

Методологически эта концепция научной философии, основанная на последовательной критике естественно-научного опыта, психологии и историцизма, содержит два существенных момента: показано, что натуралистическая философия, основанная на гносеологическом принципе натурализма, дает установку на применение указанных способов всегда и везде, и поэтому она привела к ограничению познания и отходу философии от строгой научности; подчеркивается, что историцизм подобно натурализму полагает себя лишь в сфере фактов эмпирической духовной жизни. Он «рождает к жизни релятивизм, весьма родственный натуралистическому психологизму (направление экспериментальной психологии) и запутывающийся в аналогичные же скептические трудности»⁵.

На наш взгляд, подобное соединение натурализма и историцизма в качестве объекта феноменологического исследования было вызвано необходимостью обоснования концепции научной философии в свете кантовской теории познания и с позиций результатов анализа естественно-научного опыта. И поэтому Э. Гуссерль считает, что история есть эмпирическая наука о духе вообще, которая не в состоянии своими силами ничего решить ни положительно, ни отрицательно. Усматривая различие «между религией как культурным образованием и религией как идеей, т.е. значимой религией, между искусством как культурным образованием и значимым искусством, между историческим и значимым правом, между исторической и значимой философией»⁶, соответственно, он упрекает историю за ее неспособность увидеть отношения между идеей и ее проявляемой феноменальной формой. Относительно психологии Э. Гуссерль указывает, что сознание, реализуемое в рамках натурализма, предлагает только один путь — эмпирический, в котором мир всегда является наличным и проверяемым экспериментально.

Отсюда основным выводом автора концепции становится предположение о том, что применение естественно-научной экспериментальной методологии является недостаточным для понимания полного онтологического смысла окружающего мира как во внешнем, естественно-научном его проявлении, так и во внутреннем, психологическом. Ибо психология, изучающая внутренние переживания «Я», не способна освободиться от натурализма только посредством естественно-научного опыта и «по поводу физической природы».

Соответственно, в связи с этим возникает вопрос: если натуральная философия и философия мирозерцания не способны обнаружить «первого по природе» и «пер-

духа, в теории и на практике, то есть с точностью естествознания, в которой заключается «его заслуга и в то же время основная проблема, т.е. натурализация сознания». По мнению Э. Гуссерля, в основе философии мирозерцания лежит принцип историцизма. Вследствие «открытия истории» и обоснования новых наук о духе формируются способы философствования в контексте познания целостного бытия. См.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Там же. С. 194.

⁶ Там же. С. 224.

⁴ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Избранные труды. М., 2005. С. 69.

⁵ Натурализм пытается реализовать принцип строгой научности во всех сферах природы и

вого для нас», возможно ли познание предметов и явлений объективного мира в сущностном и формальном единстве?

Э. Гуссерль ищет ответ в философии, которая, будучи «строгой наукой», возможна как феноменология, и единственным и основным ее предметом может быть только сознание, а методом его исследования — описание, или феноменологическая дескрипция, которая есть необходимое условие феноменологического исследования сознания, определяемое рядом методологических процедур: редукцией (очищение сознания), интенцией (направленность сознания на редуцированный предмет с целью обнаружения его сущности), дескрипцией (описание) интенциональных данностей, и как аналитика актов, в которых полагаются интенциональные данности, и как реконструкция феноменологического метода в целом⁷.

В отличие от представлений Э. Гуссерля, взгляды Н.А. Бердяева на понимание науки и философии сформированы в русле этического познания, и поэтому они направлены на различение гносеологии и философского познания. Для него «гносеология есть выражение сомнения в силе и оправданности философского познания. Гносеология есть раздвоение, подрывающее возможность познания»⁸. Его вывод о том, что на всем познавательном пути человека продолжает стоять познание, а не бытие, основывается на утверждении о невозврате к докритической, догматической метафизике и о переходе к самому предмету, к самой жизни, о преодолении раздвоения, подрывающего силу познавательного акта. Так как прохождение философского познания через раздвоение и критическую рефлексию было неизбежно, поэтому критическая гносеология, претендовавшая стать над жизнью и бытием, была явлением жизни европейского культурного человека. И в качестве доказательств, подтверждающих обоснованность выдвинутой концепции, Н.А. Бердяев ссылается на учение Канта, как на продолжателя дела античной и англо-французской просветительской философии, и Гегеля, как расширяющего разум до беспредельности. В частности, взгляды Н.А. Бердя-

ева на немецкую гносеологию затрагивают основной вопрос гносеологии: *кто* познает и принадлежит к бытию — тот, кто познает? В его понимании теория познания, идущая от Канта, подменяет проблему человека и его силы познавать бытие проблемой трансцендентального сознания, гносеологического субъекта или мирового духа. Поэтому Н.А. Бердяев полагает, что вообще «теория познания не хочет изучать человека как познающего, а отдаст человека в ведение психологии или социологии»⁹. Для него важным представляется преодоление скептицизма и релятивизма в человеческой сфере, в познающем человеке, а не в гносеологическом субъекте. Ввиду этого, Н.А. Бердяев считает, что «теория познания должна стать философской антропологией, учением о человеке, а не учением о трансцендентальном сознании и гносеологическом субъекте, а онтологическим и пневмотологическим учением о человеке»¹⁰. Это означает, что основной проблемой познания на самом деле является проблема человека, проблема человеческого познания, свободы, человеческого творчества. Но существует разрыв между трансцендентальным сознанием, гносеологическим субъектом, идеальным логическим бытием и живым человеком. И это делает невозможным познание, хотя теоретический и практический разум нераздельны в совершении творческого духовного акта, ибо познание ценности неотделимо от оценки, от жизни в мире ценностей. Для него свобода должна быть в познающем, как основа бытия. В качестве примера Н.А. Бердяев приводит феноменологический метод, который «возвышается над психологизмом и историзмом, он хочет прорваться к реальностям, к сущностям»¹¹. С этической стороны, по мнению Н.А. Бердяева, феноменология не предусматривает состояние человека как познающего, познающий этический предмет совсем не может находиться в методически пассивном состоянии и впускать в себя предмет, так как при такой установке предмет исчезает. Тем самым Н.А. Бердяев не ограничивается методом интуитивного описания предмета, не является сторонником априоризма в этике.

⁷ Там же. С. 249.

⁸ Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Изд-во «Республика», 1993. С. 20.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 30.

Н. Бердяев главным в теории познания считает жизненный опыт, который отражает гносеология, и критикует философию, которая хочет стать наукой, как у Э. Гуссерля. Эти две линии философских раздумий Н.А. Бердяева являются исходными посылами для понимания методологической ситуации современной науки права. В трактовке Н.А. Бердяева критика познания, рефлексия разума над самим собой есть жизненный опыт, а не отвлеченная теория, за которую она себя выдает. Сколько познание ни противопоставало бы себя жизни и ни сомневалось бы в возможности познать жизнь, оно само изначала есть жизнь, порождено жизнью и отражает судьбы человека. Эти судьбы отражает и гносеологическая рефлексия. Это есть опыт жизни, а опыт жизни не может быть только изжит и преодолен более полным опытом, в который предшествующий опыт непременно войдет¹². Для него познание есть бытие.

По определению Н.А. Бердяева, «познанию противостоит вне его находящийся предмет, объект, который в познании должен отражаться и выражаться. Если мы возвысимся до духовного понимания познания, то нам станет ясно, что познание есть акт, через который с самим бытием что-то происходит, приходит его просветление. Не кто-то или что-то познает бытие как противостоящий ему предмет, а само бытие познает себя и через познание просветляется и возрастает. Противостоящий же ему предмет познания мы видим уже во вторичной сфере»¹³. Основу деградации философского познания Н.А. Бердяев усматривает в том, что познающий не принимает всерьез своего познания. Ибо для него перестает существовать мир сущих идей и остается только мир идей о сущем, нет уже Бога, но есть разнообразные идеи о Боге, которые он исследует, нет уже сущего добра и зла, но есть разнообразные идеи о добре и зле и т.п. Такое положение философии Н.А. Бердяев сравнивает со стадией, в которой философия хочет быть наукой и попадает в рабскую зависимость от науки, и поэтому она стала трагичной. По его утверждению, «философия наукообразная отрекается от мудрости (Гуссерль) и в этом видит свое завоевание и успех. Трагичная судьба философского по-

знания. Очень трудно философии защитить свою свободы и независимость»¹⁴. Но, для того чтобы освободиться от этого рабства, связанного с тем, что религиозная вера и научное знание стали внешними повелевающими силами для философского познания, Н.А. Бердяев предлагает верить в религиозное откровение, которое означает, что «бытие открывает себя познающему»¹⁵. Он убежден в том, что наука никогда не была порождена философией. Поскольку она является сферой низшей, порождающей лишь научный опыт. Исходя из этого он ставит вопрос о том, что «философия, или она есть наука, или религия»¹⁶. Для обоснования своего ответа Н.А. Бердяев обращает внимание на два существенных момента: философия есть особая сфера духовной культуры, отличная от науки и религии, но находящаяся в сложном взаимодействии с наукой и религией, и поэтому принципы философии не зависят от результатов и успехов наук, и философ в своем познании не может ждать, пока науки сделают свои открытия. Наука находится в непрерывном движении, ее гипотезы и теории часто меняются и стареют, она делает все новые и новые открытия¹⁷.

Эти два существенных момента оказались зависимы от наличия разных и несоизмеримых объектов: философии мир открывается иначе, чем науке, и путь ее познания иной. Ибо науки имеют дело с частичной отвлеченной действительностью, им не открывается мир как целое, ими не постигается смысл мира. «Вопреки Гуссерлю, — пишет философ, — который делает грандиозные усилия придать философии характер чистой науки и вытравить из нее элементы мудрости, философия всегда была и всегда будет мудростью. Конец мудрости есть конец философии»¹⁸. Главный признак, отличающий философское познание от научного, Н.А. Бердяев видит в том, что «философия познает бытие из человека и через человека, в человеке видит разгадку смысла, наука же познает бытие как бы вне человека, отрешенно от человека. Поэтому для философии бытие есть дух, для науки же бытие есть природа. Это различие духа и природы, ко-

¹⁴ Там же. С. 22.

¹⁵ Там же. С. 23.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹² Там же. С. 20–21.

¹³ Там же. С. 21.

нечно, ничего общего не имеет с различием психического и физического»¹⁹. С учетом этого он считает, что «основной признак философии духа тот, что в ней нет объекта познания. Познать из человека и в человеке и значит не объективировать. И тогда лишь открывается смысл. Смысл открывается лишь тогда, когда я в себе, т.е. в духе, и когда нет для меня объектности, предметности. Все, что есть для меня предмет, лишено смысла. Смысл есть лишь в том, что во мне и со мной, т.е. в духовном мире. Принципиально отличать философию от науки только и можно признав, что философия есть не объективированное познание, познание духа в себе, а не в его объективации в природе, т.е. познание смысла и приобщение к смыслу»²⁰. Для него трансцендентальный человек есть предпосылка философии, и преодоление человека в философии или ничего не значит, или значит упразднение самого философского познания. Н.А. Бер-

дяев убежден, что феноменологический метод Гуссерля пытается преодолеть всякий антропологизм через учение об идеальном, внечеловеческом бытии Платона. В этом ее ошибочная сторона. «Познание предполагает не идеальное, внечеловеческое бытие и совершенную пассивность человека, впускающего в себя предмет познания, мир сущностей (Wesenheiten), а человека, не психологического, а духовного человека...»²¹

Литература

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Изд-во «Республика», 1993. С. 20.
2. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Избранные труды. М., 2005. С. 69.
3. Лановая Г.М. Базовые ценности современного права // История государства и права. 2014. № 20. С. 23–26.
4. Мазурин С.Ф. Актуальные проблемы развития правовой науки в России // История государства и права. 2014. № 19. С. 7–11.
5. Риль А. Введение в современную философию / пер. с нем. 2-е изд., доп. М.: URSS, 2009. С. 6.

¹⁹ Там же. С. 24.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 26.

Предмет гражданского права: историко-психологический аспект

*Карнушин Вячеслав Евгеньевич,
директор ООО «Городской юридический департамент»,
кандидат юридических наук
KarnushinV@gmail.com*

В статье рассмотрено историческое развитие и расширение предмета гражданского права в современности. Показано влияние законодательства на предмет регулирования гражданского права, а также на правосознание субъектов. Определен комплексный характер гражданского законодательства, включающий нормы права различной отраслевой принадлежности.

Ключевые слова: гражданское право, гражданское законодательство, имущественные отношения, личные отношения, корпоративные отношения, предпринимательское право, отрасль права.

Civil Law Subject: Historical Psychological Aspect

*Karnushin Vyacheslav E.,
Director of "Gorodskoy yuridicheskiy department" ("City Legal Department") LLC,
Candidate of Legal Sciences*

The article deals with the historical development and the expansion of the subject of civil law in modern times. There is described the effect of legislation onto the subject of civil law and its influence on the legal senses of persons. There is written a complex character of civil legislature, which includes the rules of law of various branches of law.

Key words: civil law, civil legislature, property relations, personal relations, corporate relations, business law, a branch of law.

Предмет правового регулирования гражданского права в силу динамичного развития гражданского права, в отличие от метода, постоянно меняется. Метод правового регулирования зародился в Древнем Риме при противопоставлении права частного праву публичному, именно тогда зародились идеи о свободе в праве, об индивидуализме¹. В свою очередь социальная и историческая изменчивость общественной жизни предопределяет изменчивость правового регулирования общественных отношений, т.е. динамичность предмета отраслей права, в частности гражданского.

Первоначально в науке римского права уже обращалось внимание, что предметом юридических наук могут являться общественные отношения — как непосредственные конкретные связи между людьми, так и абстрактные категории, получающие закрепление в правовых нормах². Принимая концепцию воздействия права на психику людей, полагаем в данном случае определить, что является предметом отрасли права: реальные общественные отношения или абстрактные категории, существующие в праве.

Учение о предмете гражданского права получило свое первоначальное развитие в России в советский период, до революции 1917 года указывались отношения, регулируемые гражданским правом. В целом из почти всех работ дореволюционных авторов вытекает основная мысль о том, что гражданское право регулирует частную жизнь, включая как имущественные, так и неимущественные отношения, связанные с имущественными.

В советский период предмет гражданского права получал свое освещение преимущественно со стороны рассмотрения имущественных отношений. Неимущественные отношения «забывались». Это оказало влияние на формирование отрасли. Имущественные отношения рассматривались в сравнении с производственными. При этом в целом в науке указывалось на неотждественность этих категорий. К примеру, С.С. Алексеев, рассматривая отношения собственности как юридическое выражение

производственных отношений, отмечал их волевой характер³. При этом ученый указывает на имущественную распорядительную самостоятельность участников этих отношений как на признак предмета гражданского права. Работы советских ученых отличаются довольно широким анализом метода правового регулирования, и определения гражданского права так или иначе содержат в себе указания на метод правового регулирования. Если немного отдалиться от определений гражданского права и метода правового регулирования, то можно заметить, что качественно отличается от других определение О.С. Иоффе, который предлагал понятие «гражданское право» рассматривать как отрасль, регулирующую не только имущественные отношения, но и связанные с ними личные неимущественные отношения, основанные на началах равенства⁴. То есть предмет гражданского права расширен от сугубо имущественного права (товарного права) до права, которое регулирует личные неимущественные отношения, хотя бы и связанные с имущественными.

В первоначальной редакции п. 1 ст. 2 ГК РФ закреплено, что гражданское законодательство регулирует имущественные и личные неимущественные отношения, а также не связанные с имущественными неимущественные отношения, если это предусмотрено законом⁵. С точки зрения психоэмоциональной, добавление регулируемых отношений специально предусмотренным законом говорит о некотором измененном способе воздействия на психику субъектов этих отношений. Им привносятся сверху с помощью закона те отношения, которые будут регулироваться гражданским законодательством. Однако понятия «гражданское право» и «гражданское законодательство» не тождественны — право имеет в качестве своего основного источника законодательство, которое со своим развитием развивает право. Впоследствии с изменением правосознания субъектов после введения закона,

¹ Покровский И.А. История римского права. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1999. С. 14.

² Grimm Д.Д. Лекции по догме римского права М.: Изд-во «Зерцало», 2003. § 1 (Воспроизводится по 5-му изд. Санкт-Петербург, 1916 г.).

³ Алексеев С.С. Собрание сочинений: В 10-ти т. Том 1: Гражданское право. Сочинения 1958–1970 годов. М.: Статут, 495 с. С. 34.

⁴ Иоффе О.С. Советское гражданское право. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1958. С. 11.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 26.06.2007 г.). Часть первая.

регулирующего неимущественные отношения, не связанные с имущественными, происходит постепенная трансформация сознания субъектов, что в конце концов приводит к естественности восприятия того, что данные неимущественные отношения регулируются гражданским правом, что порождает естественность и непринужденность воздействия норм права на психику субъектов. В момент введения закона воздействие может быть в том числе и несколько принудительное, схожее с воздействием административного права на психику субъектов. Однако такого рода принуждение в гражданском праве носит временный характер и в дальнейшем с изменением правового сознания постепенно сглаживается и сводится к воздействию совести на психику человека.

Предмет советского гражданского права нельзя принимать за основу предмета современного гражданского права, потому что роль гражданского права в советский период была ничтожна мала и сводилась к товарно-денежным отношениям социалистических организаций, социалистической собственности организаций и личной собственности граждан. Появление частной собственности в современной России довольно резко поменяло правосознание. Это был качественный поворот правового регулирования к естественному, к тому, что присуще человеку, именно поэтому адаптация психики к новому строю привела к своего рода эйфории и присвоению всего, что физически могло быть присвоено. Конечно, такого рода революции негативны, поскольку последствия революционного воздействия на психику индивидов не всегда предсказуемы. Между тем видно качественное изменение предмета гражданского права.

Доктринальное определение гражданского права, раскрывающее предмет регулирования, перекочевавшее из советской науки в текст ГК РФ, существовало до 2006 года, до принятия ФЗ, которым была принята часть четвертая ГК РФ⁶. С этого момента в предмет были включены не просто неимущественные отношения, связанные с имущественными, но и всякие вообще личные неимущественные отношения. По указанию

⁶ Федеральный закон от 18.12.2006 г. № 231-ФЗ (ред. от 12.04.2010 г.) «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5497.

Д.А. Медведева, термин «интеллектуальная собственность» в ГК РФ больше не используется, зато имеются указания на неимущественные и имущественные права⁷. Указание на права подразумевает наличие правоотношений, в которых эти права реализуются. Наличие правоотношений есть наличие предметных отношений, т.е. особого предмета правового регулирования, который теперь введен в гражданское право.

Последним значимым расширением предмета является введение особых прав участия (корпоративных отношений) в предмет регулирования гражданского законодательства⁸.

По замечанию Е.А. Суханова, таким образом, образовалась новая подотрасль гражданского права — корпоративное право, предметом которого являются внутренние отношения участия в организациях и которое без сомнения является частью гражданского права: «Можно спорить о признаках и содержании корпоративных отношений, их имущественной или неимущественной природе, но оспаривать их гражданско-правовой характер нет никаких оснований»⁹. Если поднимать вопрос о корпоративных отношениях, в действительности нужно отнести их к более широкой категории — к имущественным или неимущественным отношениям либо же признать их промежуточную природу.

Для отнесения к какому-либо виду отношений корпоративных отношений или для признания их самостоятельным видом нужно обратить внимание на критерии разделения отношений. Имущественный характер отношений означает, что объектом таких отношений выступает имущество. При этом к имуществу традиционно относят и имущественные права. Имущественные отношения в области гражданского права, если ис-

⁷ Кодификация российского частного права / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгало [и др.]; под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2008. 336 с. С. 18.

⁸ Федеральный закон от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013 г.) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.

⁹ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с. С. 51.

кать строго юридический критерий, имеют оборотоспособный объект. Неимущественные такого объекта не имеют, там объект тесно связан с личностью правообладателя или нескольких правообладателей.

Анализ экономической сути имущественных отношений говорит об их меновой и потребительской стоимости¹⁰. Соответственно, неимущественные отношения не носят стоимостного характера. Корпоративные отношения, по мнению авторов тех же комментариев к ГК РФ, являются неимущественными, хотя бы и были связаны с имущественными. Корпоративные отношения являются организационными, а организационные отношения не могут признаваться имущественными¹¹.

Единства подходов к корпоративным отношениям в науке не наблюдается. Между тем нужно иметь в виду следующее: внутриорганизационные отношения подвергаются анализу наряду с анализом различных организационно-правовых форм юридических лиц. Имущественная сторона внутренних отношений мало чем отличается от обязательств, потому что с одной стороны выступает участник юридического лица, с другой стороны — юридическое лицо. У первого имеется право требования.

Неимущественная сторона таких отношений имеет специфику в том, что право участия, право быть избранным — это право, реализация которого происходит с помощью своих активных или пассивных действий. Отношения носят властно-волевой характер. Однако эта власть не направлена на подавление воли других субъектов, а направлена на управление юридическим лицом. Именно поэтому такие отношения должны быть связаны именно с гражданским правом. Их специфика, по сравнению с прочими неимущественными отношениями, несомненна, однако так же несомненна их гражданско-правовая природа. Таким образом, корпоративные отношения, в понимании современного законодателя, являются собирательным понятием, объединяющим как имущественные, так и неимущественные отношения.

¹⁰ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учеб.-практ. комментарий (постатейный) / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2010. 912 с.

¹¹ Там же. Комментарий к ст. 2.

Предпочтительнее, кажется, имущественную сторону этих отношений обуславливать обязательствами, поскольку в них нет никакой особой специфики, за исключением обязательного участия особого обязанного субъекта — юридического лица. В свою очередь неимущественные внутренние отношения по своему существу и должны признаваться корпоративными, потому что именно в них видна организационно-управленческая гражданско-правовая специфика, позволяющая выделить их среди других отношений, регулируемых гражданским правом.

Следует также отметить, что у гражданского права прежде всего имущественная природа и даже при регулировании неимущественных отношений, даже не связанных с имущественными, «где-то рядом» будут располагаться имущественные отношения. Объем таких неимущественных отношений в гражданском праве, не связанных с имущественными, несравненно мал.

Гражданское право является регулятивным правом, что, конечно же, относится к методу правового регулирования, однако также гражданское право выполняет сопутствующие предмету регулирования охранительные функции. Согласно п. 2 ст. 2 ГК РФ, неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ.

Существо охранительной функции гражданского права состоит в том, что оно вообще никак не вмешивается в регулирование названных явлений. Существо неотчуждаемых прав, свобод и нематериальных благ состоит в том, что они вообще не регулируются правом и настолько тесно связаны с личностью, что могут даже никак не проявляться в общественной действительности, существуя исключительно в разуме человека и не испытывая никакого воздействия со стороны права.

В литературе нематериальные блага определяются как личные неимущественные права¹². Другие авторы полагают, что нематериальные блага являются объектами личных неимущественных прав¹³. Сторонники тео-

¹² Андреев В.К. Существо нематериальных благ и их защита // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 27–33.

¹³ Сараев Д.В. О соотношении понятий «нематериальные блага» и «личные неимущественные права» // Юрист. 2002. № 7. С. 3–6.

рии нематериального блага — объекта гражданских прав¹⁴ выступают с критикой учения нематериальных благ как неимущественных прав¹⁵. Аргументом выступает недопустимость смешения неимущественного права как элемента юридического содержания и объекта прав. Между тем, думается, этот аргумент не может иметь места, потому что так можно было бы говорить, если бы речь шла о правовом регулировании нематериальных благ, а не об их правовой охране. Но ведь нематериальное благо нельзя урегулировать, потому что нет никакого сопутствующего поведения, которое можно признать предметом регулирования права, поэтому нематериальное благо можно только защитить. Следует отметить, что нематериальные блага не являются предметом правового регулирования гражданского права, но являются предметом его охраны. С этой позиции охранять можно и существующие неимущественные права и законные интересы.

Статья 2 ГК РФ в свою очередь указывает на то, что гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность. На этот счет в науке тоже не существует единообразного подхода. Некоторые авторы понимают предпринимательское право как самостоятельную отрасль частного права, наряду с гражданским¹⁶. С таким подходом согласиться нельзя, потому что отрасль гражданского права должна отождествляться с частным правом, что означает его широту и устраняет ту специфику предпринимательского права, которая позволила бы выделить его в качестве самостоятельной отрасли.

В учебнике по предпринимательскому праву под редакцией Т.А. Скворцовой приведены основные точки зрения относительно предпринимательского права¹⁷. Первая

точка зрения сводится к признанию предпринимательского права самостоятельной отраслью права, вторая — к непризнанию предпринимательского права отраслью вообще, а третья — к признанию предпринимательского права комплексной отраслью права.

Но комплексная отрасль права, в лучшем случае, может иметь свой предмет регулирования, при пристальном внимании на который можно делать вывод о его составном характере, заимствованном из других отраслей права.

Признание существования комплексных отраслей права сомнительно, потому что в них никогда не будет достигнуто единство метода правового регулирования, воздействие на психику субъектов будет различным. Если достигнуто такого рода единство, то речь идет не о комплексной, а о самостоятельной отрасли права.

Относительно предпринимательского права думается, что точка зрения, не признающая предпринимательское право отраслью, является наиболее приемлемой, ее поддерживает Е.А. Суханов, говоря о том, что признание предпринимательского права отраслью является пережитком признания существования хозяйственного права в советское время.

Предпринимательское право является по своему существу доктринальным явлением с неправильным названием. Предпринимательское право — это отрасль законодательства, в которую включены нормы гражданского и административного права. Эти нормы тесно взаимодействуют, отрасли отсылают одна к другой, но это вовсе не означает слияния отраслей права. Напротив, система законодательства в части рассмотрения предпринимательского права хотя и позволяет говорить о комплексности предпринимательского законодательства, тем не менее не позволяет даже признать существование отдельной отрасли законодательства.

Интерес представляет именно точка зрения ученых, рассматривающих коммерческое (предпринимательское) право как часть гражданского права. В учебнике по коммерческому праву под редакцией В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевой указы-

¹⁴ Бабенко А.В. Нематериальные блага как объект гражданских правоотношений // Право и экономика. 2006. № 6.

¹⁵ Бакаева И.В. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 9–13.

¹⁶ Кашанина Т.В. Корпоративное право (Право хозяйственных товариществ и обществ): учебник для вузов. М.: Издательская группа «НОРМА — Инфра-М», 1999.

¹⁷ Скворцова Т.А., Смоленский М.Б. Предпринимательское право: учебное пособие / под ред.

Т.А. Скворцовой. М.: Юстицинформ, 2014. 402 с. С. 7.

ваются, что законодатель использует прием определения субъектов предпринимательской деятельности. При этом выделяется два вида отношений: где на обеих сторонах выступают предприниматели и где только на одной¹⁸. На страницах того же учебника проводится анализ признаков и определения предпринимательской деятельности и в качестве последнего признака выделяется необходимость государственной регистрации субъектов¹⁹. В этой части предпринимательская деятельность регулируется административным правом. Аналогичные выводы касаются и лицензирования отдельных видов деятельности. Для гражданского права важен лишь правовой статус предпринимателя для начала действия специальных норм предпринимательского права как подотрасли гражданского — даже общая норма предпринимательского права для гражданского права является специальной. Суть правоотношений не меняется, за исключением особого статуса субъектов, т.е. предмет предпринимательского права — это часть предмета гражданского права.

Исходя из вышеизложенного, предмет гражданского права чрезвычайно объемён и постоянно расширяется за счет включения новых отношений, для которых предполагается метод гражданского регулирования.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 26.06.2007 г.). Часть первая.
2. Федеральный закон от 18.12.2006 г. № 231-ФЗ (ред. от 12.04.2010 г.) «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5497.
3. Федеральный закон от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013 г.) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>;

¹⁸ Учебник коммерческого права / под ред. В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998. 518 с. С. 4.

¹⁹ Там же. С. 8.

Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.

4. Алексеев С.С. Собрание сочинений: В 10-ти т. Т. 1: Гражданское право. Сочинения 1958-1970 годов. М.: Статут, 495 с.
5. Андреев В.К. Существо нематериальных благ и их защита // Журнал российского права. 2014. № 3.
6. Бабенко А.В. Нематериальные блага как объект гражданских правоотношений // Право и экономика. 2006. № 6.
7. Бакаева И.В. Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4.
8. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. 576 с.
9. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
10. Гражданское право. Общая часть: учебник: В 4-х т. / В.С. Ем [и др.]; под ред. Е.А. Суханова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. Т. 1. 736 с.
11. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права. М.: Изд-во «Зерцало», 2003.
12. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1958. С. 11.
13. Кашанина Т.В. Корпоративное право (Право хозяйственных товариществ и обществ): учебник для вузов. М.: Издательская группа «НОРМА — Инфра-М», 1999.
14. Кодификация российского частного права / В.В. Витрянский [и др.]; под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2008. 336 с.
15. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учеб.-практ. комментарий (постатейный) / Е.Н. Абрамова [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2010. 912 с.
16. Покровский И.А. История римского права. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1999.
17. Сараев Д.В. О соотношении понятий «нематериальные блага» и «личные неимущественные права» // Юрист. 2002. № 7. С. 3-6.
18. Скворцова Т.А., Смоленский М.Б. Предпринимательское право: учебное пособие / под ред. Т.А. Скворцовой. М.: Юстицинформ, 2014. 402 с.
19. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с.
20. Учебник коммерческого права / под ред. В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998. 518 с.
21. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974.
22. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. 1: Введение. Торговые деятели. М.: Статут, 2003. 480 с.

Критика безусловности государственного суверенитета с позиций неореализма

*Хабиров Радий Фаритович,
заместитель начальника Управления Президента
Российской Федерации по внутренней политике,
кандидат юридических наук
r1pprg@mail.ru*

В центре внимания в рамках статьи находятся взгляды наиболее известных критиков государственного суверенитета, которые рассматривают данную проблему под углом зрения крайнего неореализма. Взгляды Ст.Д. Краснера, Д. Агню, Б. Коэна и других неореалистов опираются, по замечанию автора, на актуальную политическую практику, небезынттересную именно в контексте оценки юридической стороны суверенитета современную фактографию. В оценке рисков для государственного суверенитета в статье обращается внимание на то, что Д. Агню, с одной стороны, останавливается на проблеме расширения транснациональных корпораций, которые постоянно находятся в поиске рынка сбыта и развития при минимизации налоговых потерь, а с другой стороны, обращает внимание на слабость контроля над территориями правительств отдельных стран. В центре внимания автора статьи находятся также суждения Ст.Д. Краснера о распространении в теории противопоставления государственного суверенитета процессу глобализации, необходимости обеспечения прав человека, слабости государств и неэффективности управления в них. Автор приходит к выводу, что самоограничение в реализации традиционного «государственного функционала» в деле отстаивания государственных интересов ни в коей мере не умаляет государственного суверенитета. Однако нельзя не заметить априори существующие сложности по его реализации для слабых государств, утративших контроль за частью их территории, для всех без исключения стран, интегрированных в мировое экономическое пространство на эквиваленте долларовых расчетов.

Ключевые слова: критика государственного суверенитета, неореализм, Ст.Д. Краснер, Д. Агню, Б. Коэн, мировое экономическое пространство, эффективность управления, государственный контроль над территориями.

Critics of Conclusiveness of the State Sovereignty from the Point of View of Neo-Realism

*Khabirov Rادی F,
Deputy Head of the Domestic Policy Directorate of the President
of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences*

The article focuses on the views of the most prominent critics of state sovereignty, considering this problem from the standpoint of extreme neorealism. According to the author, the views of St.D. Krasner, J. Agnew, B. Cohen and other realists are based on the current political practice and modern factography, which are interesting in the context of the assessment of the legal aspect of sovereignty. Considering risks to national sovereignty, the article draws attention to the fact that J. Agnew, on the one hand, dwells on the issue of expansion of multinational corporations that are constantly on the lookout for sales market and further development while minimizing tax losses. On the other hand, attention is drawn to the weakness of territorial control by certain governments. The author also focuses on St.D. Krasner's statements on the development in theory the ideas of state sovereignty opposition to globalization process, the necessity of human rights protection, weakness of states and inefficiency of their administration. The author comes to conclusion that self-limitation in implementing traditional "state functionality" related to defending state interests by no means detracts from state sovereignty. However, we have to recognize the existing a priori difficulties in its implementation for the weak states that have lost control over part of their territory and for all countries integrated into the world economy on terms of trading in dollar equivalent.

Key words: criticism of state sovereignty, neorealism, St.D. Krasner, J. Agnew, B. Cohen, world economic area, managerial efficiency, state control over territories.

Сложно дискутировать с неореалистами, которые предлагают нашему внима-

нию более чем обоснованную аргументацию без засорения теории коннотациями, не-

уместными аналогиями, очевидными фактами, легковесными сравнениями. Их взгляды опираются на актуальную политическую практику, небезынтересную именно в контексте оценки юридической стороны суверенитета современную фактографию.

Одним из последовательных критиков реальности государственного суверенитета считается Ст.Д. Краснер, который выстраивает свою аргументацию на выверенной логике реалистического скепсиса. В самом деле Ст.Д. Краснер категорически отвергает даже намеки о важности суверенитета. Он глубоко скептически относится к реальности суверенитета, утверждая, что эта сентенция всегда была своего рода «организованным лицемерием», которое случается, когда логика целесообразности и логика последствий находятся в конфликте, то есть когда тактика действий в реализации устремлений правителей остаться у власти, «подвинув» своих избирателей, порождена конфликтом интересов с нормативным поведением. Лицемерие, по убеждению Ст.Д. Краснера, просто означает разрыв между исповедуемыми принципами и нормами политической деятельности (логика целесообразности) и стратегическими расчетами, на которых основывается такое действие (логика последствий). Лицемерие Ст.Д. Краснер рассматривает в качестве сопутствующей составляющей любой политической организации. Это лицемерие, по Ст.Д. Краснеру, особенно остро стоит в международной сфере, где нормы обладают куда как меньшим сдерживающим эффектом из-за противоречий логики целесообразности, чем в других политических условиях, отсутствует эффективный механизм для принятия решения при конкуренции правил и асимметрии власти между государствами¹. Интересны основанные на частном примере международных займов аргументы Ст.Д. Краснера, поскольку, по его в целом соответствующему действительности утверждению, условия, согласованные суверенными должниками, зачастую определяют не только обязательство погасить задолженность, но и принять меры, которые ставят под угрозу свою внутреннюю автономию, а суверенное кредитование почти всегда проводится по договорам на основании взаим-

но обусловленных договоренностей, в некоторые из которых включены положения, «уступающие Вестфальский суверенитет» в принятых обязательствах и связанные с изменениями во внутренних властных структурах, при этом суверенный заем представляет как уникальные возможности, так и сложные проблемы для самих кредиторов². Одна из стратегий для заемщиков в этом контексте заключается в нарушении их собственной внутренней автономии, в уступке права кредиторам осуществлять некоторые полномочия в налогово-бюджетной и иных сферах государственного управления в рамках их собственных границ. «Международное суверенное кредитование в XIX и XX веках, особенно в слабых государствах, — пишет Ст.Д. Краснер, — часто проводилось в рамках договорных соглашений, в которых по займам правители скомпрометировали их внутреннюю автономию обменом на иностранный капитал»³. Такое пусть и добровольно принятое по международным финансовым обязательствам стороннее вмешательство в монополию по формированию государственного аппарата действительно представляет интерес в аспекте исследования государственного суверенитета не только на эмпирическом, но и на юридическом уровне. При этом очевидным является пресловутое смешение юрисдикции и суверенитета, государственной власти и государственных органов и их должностных лиц. В этой связи рассуждения о суверенитете как о форме лицемерия в качестве сопутствующего феномена любой политической организации заслуживают куда как более пристального внимания и тщательного анализа. При этом методологически полезным следует признать обобщающее замечание Ст.Д. Краснера о распространении в теории противопоставления государственного суверенитета процессу глобализации, проблемам обеспечения прав человека, слабости государств и неэффективности управления в них. Однако к принимаемой без обсуждения идее о том, что глобализация бросает вызов эффективности государственного управления, Ст.Д. Краснер проявляет здоровый скепсис, сомневаясь, что «современные вызовы качественно отличаются от тех, которые

¹ Goodhart M. Sovereignty: Reckoning What Is Real // Polity. Vol. 34. No. 2. (Winter, 2001). P. 242.

² Krasner S.D. Sovereignty: organized hypocrisy. Princeton, New Jersey: Princeton university press, 1999. P. 127.

³ Krasner S.D. Ibid. P. 128.

существовали в прошлом. ... Утверждение, что глобализация подрывает суверенитет, преувеличено и исторически близоруко»⁴. К тому же, по справедливому утверждению Ст.Д. Краснера, нормы и правила любой международной институциональной системы, в том числе суверенной государственной системы, всегда будут ограниченными и всегда могут быть оспорены из-за логических противоречий (например, принцип невмешательства в дела другого государства в сопоставлении с необходимостью продвижения демократии), из-за отсутствия какого-либо институционального механизма для авторитетного разрешения международных конфликтов и асимметрии государств⁵.

Джон Агню посвятил не одну работу проблемам глобализации в связи с реализацией государственного суверенитета, поэтому его не лишены аргументации и в определенной степени убедительные изыскания представляют особый интерес. В специальном монографическом исследовании «Глобализация и суверенитет» (2009) Д. Агню, признавая реальность недавнего подъема глобализации и ее потенциала, преследует цель «подорвать предполагаемую политическую монополию, осуществляемую государствами над своими территориями», что, по замыслу автора, поставит под сомнение связь между «готовым суверенитетом» и территорией. При этом оригинальность авторского видения заключается в том, что Д. Агню использует особый подход к проблеме: вместо линейной истории о последних событиях обращается внимание в первую очередь на то, что глобализация подрывает давние традиции государственного территориального суверенитета, осложняя и без того непростые связи суверенитета и территории⁶. При этом Д. Агню, с одной стороны, останавливается на проблеме расширения транснациональных корпора-

ций, которые постоянно находятся в поиске рынка сбыта и развития при минимизации налоговых потерь, а с другой стороны, обращает внимание на слабость контроля над территориями правительств отдельных стран, например Мексики, в которой долгое время три основных наркокартеля распределяют свои зоны влияния территориально. Д. Агню называет этот мексиканский вариант «странной формой “суверенитета”, связанной во многом с меняющимся характером наркобизнеса». На примере другой проблемной территории Д. Агню с обращением к современной фактологии отмечает: «Эффективно Израиль является суверенным в Аль-Бире, но его правительство в настоящее время действует в тандеме с Палестинской национальной администрацией, которая сама по себе имеет лишь номинальный контроль над небольшой частью Западного берега»⁷. Интересны в теоретическом аспекте и замечания Д. Агню в адрес правительства США с точки зрения расширения собственной географии распространения прямой юрисдикции на территории других государств под эгидой борьбы с терроризмом и иными угрозами национальной безопасности: с 2001 года, по свидетельству автора, правительство утверждает, что база в Гуантанамо не находится в пределах его официальной юрисдикции и, следовательно, не подлежат рассмотрению в судебном порядке в судах США дела относительно конституционности обращения с задержанными без соблюдения установленных сроков и без предъявления обвинения. Но центр на базе Гуантанамо, по справедливому замечанию Д. Агню, является одним из большой сети мест содержания под стражей «американского ГУЛАГа», который военные США и ЦРУ расширяют по всему миру, невзирая на требования территориального суверенитета⁸. Д. Агню вторит другой критик государственного суверенитета Р. Купер, риторика которого не отличается оригинальностью и поэтому не заслуживает особого, пристального внимания. Р. Купер пишет о том, что в Афганистане в период правления талибов суверенной власти фактически не существовало, что в полной мере относится к современной времени написания им работы северной Бирме и «некоторым частям

⁴ Krasner S.D. Globalization and sovereignty // States and Sovereignty in the Global Economy / ed. by David A. Smith, Dorothy J. Solinger and Steven C. Topik (First published 1999 by Routledge). London and New York: Taylor & Francis e-Library, 2002. P. 34.

⁵ Krasner S.D. Sovereignty: organized hypocrisy. Princeton, New Jersey: Princeton university press, 1999. P. 3.

⁶ Agnew J. Globalization and Sovereignty. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth, UK: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. 2009. P. 3.

⁷ Agnew J. Op. cit. P. 3–5.

⁸ Agnew J. Op. cit. P. 7.

Южной Америки, где наркобароны оспаривают монополию государства на примененные силы»⁹. Действительно, проблемных с точки зрения эффективности осуществления юрисдикции национальных правительственных органов территорий очень много. Думается, что в современной геополитике уже можно составить не только политическую карту мира, но и аполитическую карту в той части, где официальные власти фактически устранены от управления территориями и всем, что с этим связано. Но, влияет ли это на качество самого суверенитета конкретного государства, — большой вопрос. С точки зрения Д. Агню, теоретики в области политологии наибольшее внимание уделяют взаимосвязи между суверенитетом и политической властью: государственный суверенитет дает законные основания осуществлять внутренний порядок и защитить от внешней угрозы. Однако, по его убеждению, по целому ряду направлений — от требований норм права до социологического взгляда на проблему — есть общее чувство, что обычное понимание суверенитета как неограниченного и неделимого права управления государством на своей территории нуждается в серьезном критическом анализе¹⁰.

С одной стороны, Д. Агню пишет: «Защищать безопасность своего особого пространственного суверенитета становится основной задачей территориального государства. <...> Теперь суверенитет принадлежит территории»¹¹. А с другой стороны, для эффективного суверенитета, по его мнению, нет необходимости в строгой территориальной привязке¹², что он с успехом демонстрирует на приведенных выше примерах с США и Израилем. Это противоречие, очевидно, связано с оригинальным, но в то же время узким «территориальным» подходом к исследованию проблемы суверенитета, с несогласованностью эмпирического уровня суверенности с юридическим суверените-

том. Сам термин «эффективный суверенитет» подразумевает его отрицание, поскольку в данном случае возникает антитеза «неэффективный суверенитет», которая по существу означает отсутствие самостоятельности и независимости во внутренней и внешней политике. Политическую власть Д. Агню измеряет в единицах территориального суверенитета (по крайней мере для так называемых великих держав, к которым он относит страны западного мира), которые осуществляют власть на их территориях и борются друг с другом, с тем чтобы приобрести больше власти за пределами их территориальных границ. При этом свою «миротворческую миссию» Д. Агню видит в том, что раздорам он предлагает альтернативу на основе концепции «гегемонии»¹³. Такой рамочный солидаризм на основе объединения усилий по достижению абсолютной гегемонии в мире вполне в духе альтернативы модели баланса сил и многополярного мира, для которой суверенитет национальных государств имеет стержневое значение.

Частные теории отрицания суверенитета строятся на современной или имеющей относительно небольшую ретроспективу фактографии, на примерах утраты государствами юрисдикции по территории, денежному обращению, финансовым институтам и займам. В этом ряду стоит и концепция утраты государственного суверенитета, заключающаяся в падении традиционной системы «одна нация — одни деньги», когда даже сильные государства международные расчеты стремятся вести в так называемой резервной мировой валюте — долларах США. В частности, привычно отмечая неабсолютность Вестфальской системы, Бенджамин Коэн в принципе говорит о падении государственной монетарной монополии в мировом экономическом пространстве¹⁴. Сложно отрицать очевидное: даже сильные государства — Россия, Китай и Индия международные расчеты только с недавнего времени, понимая всю сложность проблемы утраты финансовой автономии, стремятся вести в национальных валютах, но институционализованные монетарные механизмы региональной финансовой ста-

⁹ Купер Р. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке / пер. с англ. М.: Московская школа политических исследований, 2010. С. 31 [Robert Cooper. *The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century*. London: Atlantic Books, 2003].

¹⁰ Agnew J. Op. cit. P. 6.

¹¹ Agnew J. *Hegemony: the new shape of global power*. Philadelphia: Temple University Press, 2005. P. 41.

¹² Agnew J. *Globalization and Sovereignty*. P. 6.

¹³ Agnew J. *Hegemony: the new shape of global power*. P. 37.

¹⁴ Cohen B.J. *The Geography Of Money*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1998. P. 47–91.

бильности в рамках проектов стран ШОС и БРИКС в определении фондовой капитализации все равно остаются привязанными к доллару США. Однако и здесь дискуссия возвращается в привычное русло рассуждений о неотъемлемости юридического суверенитета, как одной из основ современного понимания государства, независимо от эмпирических свобод и ограничений в реализации конкретных государственных функций. В этой связи в целом необходимо согласиться с А.А. Моисеевым, который пишет: «Общепризнано, что участие государств в международных организациях путем реализации любого объема и качества своих прав является не ограничением, а реализацией суверенитета, даже если речь идет о правах, которые обычно относятся к внутренней компетенции государства»¹⁵. Поэтому самоограничение в реализации традиционного «государственного функционала» в деле отстаивания государственных интересов ни в коей мере не умаляет государственного суверенитета. Однако юридически мы не получаем ответа на вопрос о том, как быть, когда государства сталкиваются с практическими монопольными международными финансовыми институтами, противоречащими в данном акте правореализации национальным интересам, без-

¹⁵ Моисеев А.А. Национальные правовые культуры и международное право: тенденции развития суверенитета государств // Материалы секционных заседаний X Международных Лихачевских научных чтений. Секция 4: Национальные правовые культуры и международное право: тенденции мирового развития. М., 2010. С. 404.

альтернативными и в плане экономического суверенитета пагубными? Эти и многие другие вопросы должны оказаться в центре внимания современных российских исследователей проблем государственного суверенитета.

Литература

1. Купер Р. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке / пер. с англ. М.: Московская школа политических исследований, 2010. 240 с. [Cooper R. The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century. London: Atlantic Books, 2003].
2. Моисеев А.А. Национальные правовые культуры и международное право: тенденции развития суверенитета государств // Материалы секционных заседаний X Международных Лихачевских научных чтений. Секция 4: Национальные правовые культуры и международное право: тенденции мирового развития. М., 2010. С. 404–405.
3. Agnew J. Globalization and Sovereignty. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth, UK: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. 2009. 232 p.
4. Agnew J. Hegemony: the new shape of global power. Philadelphia: Temple University Press, 2005. 284 p.
5. Cohen B.J. The Geography Of Money. Ithaca and London: Cornell University Press, 1998. P. 47–91. 248 p.
6. Goodhart M. Sovereignty: Reckoning What Is Real // Polity. Vol. 34. No. 2 (Winter, 2001), pp. 241–257.
7. Krasner S.D. Globalization and sovereignty // States and Sovereignty in the Global Economy / ed. by D.A. Smith, D.J. Solinger and S.C. Topik (First published 1999 by Routledge). London and New York: Taylor & Francis e-Library, 2002, pp. 34–52.
8. Krasner S.D. Sovereignty: organized hypocrisy. Princeton, New Jersey: Princeton university press, 1999. 264 p.

Легитимация как идейное объяснение власти*

*Сигалов Константин Елизарович,
директор Центра правового регулирования финансово-экономических отношений
Института проблем эффективного государства и гражданского общества
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент
sigalovconst@mail.ru*

В статье рассматривается феномен легитимации, обнаруживающий необходимость власти и значимость ее носителей. Легитимация — это не только своеобразный механизм, но и процесс, предусматривающий конкретные черты и формы, которые различаются в той или иной социально-политической и духовной ситуациях на различных этапах развития общества. Легитимация в каждой цивилизации, в каждом обществе обладает специфическими чертами и самобытностью.

Ключевые слова: легитимация, легитимность, власть, признание, авторитет, подчинение, право, закон, аргументация, иерархия.

Legitimation as Ideological Explanation of the Power

*Sigalov Konstantin E.,
Director of the Center for Legal Regulation of Financial Economic Relations
of the Institute of problems of the effective state and civil society of the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Doctor of Law, Assistant Professor*

The article discusses the phenomenon of legitimation, explaining the need for bodies of STI and the importance of its carriers. Legitimation is not only a kind of mechanism, but the process involving specific traits and forms of which differ in varying socio-political and spiritual situation at various stages of development. Legitimation in every civilization, every society has specific features and originality.

Key words: legitimation, legitimacy, power, recognition, authority, submission, right, law, argumentation, hierarchy.

Власть — важнейший феномен социальной жизни, сфера «пристального внимания» права, политики, морали, религии, экономики. По Веберу, власть состоит в возможности и способности навязывать свою волю, воздействовать на деятельность и поведение других людей, даже вопреки их сопротивлению¹. Власть возникает всегда, при любых обстоятельствах жизни просто необходимы иерархические отношения, а «безвластного общества» никогда не суще-

ствовало: даже если нет формального властителя, источник власти всегда существует, ибо кто-то должен обязательно руководить и управлять процессами, происходящими в том или ином сообществе.

На всех этапах своего существования власть нуждается в том, чтобы ее признавали, считали необходимой, законной, действующей целесообразно, а правителей — полноценно исполняющими свою лидирующую роль. Это было в догосударственных образованиях, когда значимость правителя была сопряжена с прямой выживаемостью племени. Это еще более актуализировалось в государственных объединениях, когда эффективность власти затрагивала большие группы людей. Если признания власти нет, то и цена такой власти невысока.

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета в 2016 г.

¹ См.: Вебер М. Хозяйство и общество / пер. с нем.; под науч. ред. А.Г. Ионина. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. С. 98.

Таким образом, власть и ее носители прямо заинтересованы, по крайней мере в двух ментальных явлениях, которые всегда сопровождают иерархические отношения в обществе. Во-первых, необходимо, чтобы сама власть как необходимость доминирования одной части общества над другой была признаваема в принципе — именно как атрибут нормального функционирования социальных отношений. Необходимо, чтобы в обществе признавали, что управление целесообразно как таковое и что кто-то должен осуществлять властные полномочия.

Во-вторых, необходимо, чтобы это признание распространялось на конкретных людей, являющихся «воплощением», «лицетворением» этой власти, то есть признанием того, что власть закреплена за конкретным человеком, группой, социальным слоем. Власть не может быть ничей, она всегда принадлежит кому-либо, и этот носитель власти постоянно должен доказывать, что власть ему принадлежит по праву, оправдывать собственное предназначение, предьявлять свои лидерские умения и навыки.

Легитимация — это объяснение того, что власть как таковая обязательно обществу нужна и что ее законным носителем является тот или иной властный субъект. «В свою очередь, *легитимизация* (делеги́тимизация) — это процессуальная составляющая более общего явления — легитимности. Она отражает процесс, способы, методы и техники оправдания существующей властно-институциональной конфигурации, основных форм и параметров их функционирования. Именно в ходе этого процесса развития реальных властных отношений в среде личность — общество — государство, обусловленного существующей социально-политической и экономической обстановкой, политико-правовой культурой и ее архетипическими кодами, формируется *режим легитимного функционирования* институтов власти и конкретных политических акторов и должностных лиц»².

Легитимность власти предполагает, что большая часть населения признает как конкретную власть в данном обществе, так и право этой власти на управленческие процессы в нем. Люди именно *принимают* данную

власть, подчиняются ей добровольно, на том основании, что она кажется им правильной, справедливой, компетентной, а авторитетные и справедливые лидеры, эту власть осуществляющие, в состоянии обеспечить оптимальный порядок для общества и государства. В идеале легитимность предусматривает отсутствие грубого навязывания власти, поэтому предполагает, чтобы люди доверяли власти, чтобы ее законность была закреплена в общественном сознании, считалась моральной, добропорядочной и справедливой. Легитимность³ призвана обеспечить ответственность и авторитет власти, возможность добиться принятия ее действий без принуждения. Впрочем, даже насилие должно быть «законным», оно оправдывается легитимностью — в тех случаях, когда без принуждения невозможно обеспечить эффективность власти и ее законные требования.

Власть должна быть законной, легитимной, признанной таковой большинством в обществе. «Легитимность — важнейшее свойство любой эффективной государственной власти, утратив которое государственная власть перестает существовать. Легитимация есть процесс и механизм поддержания этого качества власти... Легитимация предполагает придание ценности государственной власти, т.е. ее цель — вызвать осознание ценности государственной власти у населения и трансформировать это осознание в установку массового сознания»⁴.

Еще тогда, когда власть как таковая только институализировалась, властителю требовалось социальное признание законности его притязаний на доминирующее положение в обществе, и особая процедура, подтвержда-

² Государственная власть: теоретико-методологические и правокультурные аспекты. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 154.

³ Легитимность — это не только правовой, но и социокультурный и социально-психологический феномен, при этом легитимность не является синонимом легальности, юридическим обоснованием законности власти, фиксирующим соответствие нормам, в соответствии с которыми живет государство. Власть становится легальной, если может обеспечить исполнение законов политическими, экономическими, административными или силовыми методами, но при этом она останется нелегитимной, если народ не признает ее. В то же время достаточно часто нелегальная власть мафии или преступных авторитетов может некоторой частью общества считаться вполне легитимной, по крайней мере на какой-либо ограниченной территории и для определенного круга лиц.

⁴ Актуальные проблемы правовой теории государства. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 135.

дающая, закрепляющая и оправдывающая данное положение в глазах своих соплеменников, а впоследствии — подданных. Естественно, что после превращения власти в государственную, этот процесс еще более актуализировался. Возникнув задолго до появления права как неправовой процесс, легитимация по мере совершенствования духовной сферы включала в себя право как наиболее надежный инструментариум обоснования власти, что, собственно, не исключает длительного и эффективного существования неправовых форм легитимации, которые всегда существовали параллельно с правовыми способами, дополняя и усиливая их.

На ранних этапах государственности в процессе легитимации в общественное сознание внедряется целый комплекс представлений о власти и ее носителях, носящих сакральные основания. Во-первых, утверждается, что власть необходима сама по себе как таковая и что эта власть исходит от сверхъестественных сил, находящихся свое воплощение в своих представителях на земле. Во-вторых, утверждается, что сама власть должна по праву принадлежать исключительно конкретному носителю власти и только он вправе распоряжаться ею по своему усмотрению. В-третьих, утверждается, что эта принадлежность власти *конкретному* властителю обусловлена причинами имманентных личных и очень необычных качеств властителя, принципиально отличающих его от всех остальных людей: его силы, ума, хитрости, благородства, безупречной и эффективной возможностью управлять общими делами, постоянным везением на охоте и рыбалке, чрезвычайными военными умениями и успехами в битвах с врагами, обладанием несомненной удачей, особым расположением к нему сверхъестественных сил, а то и его прямым происхождением от этих сил. В-четвертых, утверждается, что только этот конкретный властитель вправе эту власть передавать либо своим детям, либо другому лицу, которое он по каким-либо причинам избрал для этой цели, ибо его наследнику передаются и те качества, которыми обладает правящий властитель. В-пятых, утверждается, что только действия этих единственно законных властей исключительно верны, правильны, освящены божественным промыслом (или научно обоснованы) и наиболее приемлемы для народа;

власть, полученная вне этого алгоритма, незаконна, противна воле высших сил, которые могут навлечь несчастья не только на самого правителя, но и на подданных, допустивших этот произвол. Власть сакрализуется, ей придаются особые характеристики. Уже в глубокой древности сакральный характер, с одной стороны, придавал власти вождям дополнительную силу, с другой стороны, на определенном этапе рационализировал отношения «власть — подчинение», снимая необходимость постоянного доказывания вождями своего могущества и компетентности. Известно, что «наблюдается положительная корреляция между уровнем политического развития и сакрализацией власти и ее носителей — усложнение и дифференциация политической системы, как правило, сопровождается ростом сакрализации власти»⁵. Сакрализация власти и ее носителей — это апофеоз легитимации, самый последний и наиболее веский довод, использование иррациональных аспектов аргументации и настоятельное требование безусловного подчинения носителю власти. Е.А. Павлова отмечает: «Сакрализация власти — это подчинение воле одного человека, основанное на вере, что правитель является законным носителем своих полномочий и прав в силу того, что представляет некие высшие трансцендентальные силы, дающие ему эти права. Сакральная власть имеет, как минимум, два базовых элемента. Первым элементом сакральной власти можно считать тайное, сокровенное знание, доступное не всем, вызывающее благоговейный страх. Второй элемент — это определенная “харизма” конкретного человека»⁶.

Власть в древности выстраивалась на принципе «перенесения» в мир профанной иррациональной аргументации, присущей для мира сакрального. Потусторонняя защита и мифологические основания претензий на власть были порой более действенной мерой легитимации. В сознании рядовых обывателей происходил своеобразный переворот понятий: не небесное было отражением земного, а земное отражало небесные порядки.

⁵ Сакрализация власти в истории цивилизаций. М.: ЦЦРИ РАН, 2005. С. 14.

⁶ Павлова Е.А. Феномен сакрализации и десакрализации власти: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2008. С. 6.

В доавраамистических религиозных системах антропоморфные боги жили, боролись за власть, любили и ссорились подобно людям, поэтому в общественном сознании складывалось представление о том, что земной мир есть слепок мира небесного, а поэтому и общественные порядки имеют божественную основу. «Главенствующее место в политическом сознании раннеклассовых обществ занимали мифы о божественном, сверхъестественном происхождении общественных порядков. С этими мифами были тесно связаны традиции обожествления существующей власти и ее предписаний»⁷.

Для любой власти во все времена значимость легитимации была высока. Легитимация позволяет власти действовать менее затратными методами, не подвергая себя «риску» тратить силы для постоянного подавления сопротивления недовольных, которые найдутся при любых действиях властей, властных отношений не существует без сопротивления им⁸. Должен был существовать такой механизм функционирования социальных норм, который без видимого насилия закреплял и необходимость власти как таковой, и принцип иерархических отношений, доминирующее положение властителей в обществе. Именно право переводит все управленческие приемы власти, включая насилие, в законное русло, делает их принимаемыми и одобряемыми, по крайней мере большей частью населения.

И все же власть с момента своего отчуждения от народа сталкивалась с теми, кто именно эту власть не поддерживал. Во-первых, всегда находились люди, которые не признают никакую власть — это зло, а государственная власть неприемлема вообще⁹. Во-вторых, со-

циальное расслоение по определению предполагает оппозицию власти, несогласие с действиями любых властей (с распределением ресурсов, делением военной добычи, с самим принципом частнособственнических отношений, с социальной дифференциацией, сосредоточением богатств у конкретных людей, способами и принципами управления, векторами внутренней и внешней политики, с самим фактом нахождения у власти конкретных людей). В-третьих, всегда были претенденты, которые в силу различных причин к власти допущены не были, но все же полагают, что имеют большие основания на власть, нежели те, которые в настоящий момент властью обладают, считают, что они компетентнее, умнее, достойнее.

Люди достаточно рано поняли, что любой властитель, если он желает удержать власть в своих руках, должен обеспечить обстановку признания своей власти народом, чтобы его распоряжения исполнялись не под угрозой применения силы, а при условии веры в верность и моральную обоснованность действий власти и справедливость принимаемых законов. Ни одна власть не сможет долго существовать, если рассчитывает только на насилие, в обществе всегда должен быть консенсус, почтение к принятым законам. Добровольное согласие с действиями правителей в первую очередь обусловлено уверенностью сограждан в том, что ими управляют достойные люди, пришедшие к власти законным путем, что их управленческие решения разумны, справедливы и праведны, обеспечены правом и традицией, что в своих действиях власть не будет посягать на их собственность и частную жизнь. По сути, легитимность — это двусторонний процесс. С одной стороны, это авторитет и умение властвовать, доверие к власти и признание действительности результатов деятельности власти в целом и конкретных правителей в частности, с другой стороны, это желание подчиняться, верность существующей власти, желание подвластных субъектов исполнять указания и требования правителей. Как ни парадоксально, но наличие оппозиции есть необходимый элемент эффективной легитимации, что ни в коей мере не противоречит вышеназванному принципу

сударством и государственными институтами. Но, отрицая государственную власть, невозможно полностью игнорировать власть традиций, авторитетов, морали, религии.

⁷ История политических и правовых учений / под ред. д-ра юрид. наук, проф. О.Э. Лейста. М.: Изд-во «Зерцало», 2002. С. 24.

⁸ См.: Коэн Д.А., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Изд-во «Весь мир», 2003. С. 384.

⁹ Существует периферия цивилизации — дикие племена, скрывающиеся в джунглях и на отдаленных островах, для которых государственность неприемлема. Есть народы «задержавшиеся» на родоплеменном уровне социальности, есть добровольные отшельники, «убегающие» от государства, имеются экзотические вкрапления в современную цивилизацию типа цыганской субкультуры. Криминальные структуры также считают неприемлемым сотрудничество с го-

сакрального характера власти и ее носителей. С одной стороны, наличие противников у властных элит мобилизует их активность, заставляет проявлять бдительность и не позволяет попустительски относиться к самому процессу легитимации. С другой стороны, концепция последовательной легитимации предполагает иллюзию альтернативы, гипотетическое представление о, возможно, другом правителе и тех проблемах и бедах, которые неминуемо обрушились бы на головы подданных, случись такое.

Поэтому легитимация представляет собой постоянное наращивание легитимности органами власти путем технологий политического и идеологического свойства. Такие технологии существовали всегда, даже тогда, когда эти понятия полностью отсутствовали в лексиконе как властей предрержащих, так и их подданных. Действенность власти всегда была обусловлена ее внятной и понятной всем легитимностью, уверенностью людей в том, что ими правят те, кто имеет на это основание¹⁰. Легитимация является процессом, одновременно обуславливающим легитимность государства как такового, власти в этом государстве и правления конкретных властителей этого государства. «Легитимация — одна из основных задач конституционного права как действующей политико-правовой идеологии. Она непрерывна, потому что она всегда лишь частична»¹¹.

Легитимность — величина непостоянная, ее всегда «испытывают на прочность», ее значимость подвергается постоянным нападкам и критике со стороны оппонентов, она подвергается перманентной верификации сторонниками. Легитимность находится в «пространстве нестабильности» вследствие политической и экономической конъюнктуры. Именно поэтому неотъемлемым атрибутом легитимности и является легитимация, постоянно разруша-

ющая доводы оппонентов, приводящая новые и совершенствуя прежние аргументы в защиту власти и ее представителей.

В качестве первичного параметра публичной легитимации власти выступает наделение ее авторитетом. Первоначально авторитет — это субъективное свойство представителя власти (лидера, вождя, правителя), оценка его качественных параметров, его умения совершать необходимые действия. Но затем он наполняется несколько иным содержанием, оно связывается с истинным значением понятия *augere* — производить, приумножать. Эмиль Бенвенист пишет: «Таким путем абстрактное имя “auctoritas” обретает всю полноту своего содержания: это акт творения или качество, предудостоверенное верховным магистратом, или доверенность какого-либо свидетельства, или действенность какой-либо инициативы и т.п., но всякий раз во взаимодействии с семантическими функциями слова “auctor”»¹². Власть в архаичных сообществах может опираться на мораль, традиции, даже религиозные нормы, но со временем правители начинают осознавать, что эти нормы не в состоянии регулировать все сферы отношений. Для государственной власти этих норм явно не достаточно, поэтому она прибегает к праву как более жесткому и надежному ее обоснованию.

Литература

1. Актуальные проблемы правовой теории государства. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских терминов. М.: Универс, 1995.
3. Вебер М. Хозяйство и общество / пер. с нем.; под науч. ред. Л.Г. Ионина. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010.
4. Государственная власть: теоретико-методологические и правокультурные аспекты. М.: Юрлитинформ, 2012.
5. История политических и правовых учений / под ред. д-ра юрид. наук, проф. О.Э. Лейста. М.: Изд-во «Зерцало», 2002.
6. Коэн Д.А., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Изд-во «Весь мир», 2003.
7. Малахов В.П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011.
8. Павлова Е.Л. Феномен сакрализации и десакрализации власти: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2008.
9. Сакрализация власти в истории цивилизаций. М.: ЦЦРИ РАН, 2005.

¹⁰ Так, Борис Годунов мог проводить какие угодно реформы и пытаться улучшить жизнь народа, устроить формальное призвание себя «на царство» — все было бесполезно. В общественном сознании бывший *слуга* легитимным царем так и не стал. Более того, стихийные бедствия (неурожай и эпидемии) в народном сознании ассоциировались с гневом божьим на нелегитимного правителя, занявшего трон незаконно и сакральным статусом не обладавшего.

¹¹ Малахов В.П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. С. 382.

¹² Бенвенист Э. Словарь индоевропейских терминов. М.: Универс, 1995. С. 330.

Оценочные категории и проблемы судебной практики

*Коваленко Ксения Евгеньевна,
ассистент кафедры трудового,
экологического права и гражданского процесса
Алтайского государственного университета
barnaulka@rambler.ru*

Актуальность темы исследования обусловлена теоретической и практической значимостью требования разумности в решении вопросов обеспечения органичного развития права и элементов правовой системы российского общества. Уровень развития правовой культуры общества определяется не только качественным состоянием ее отдельных элементов, но и их согласованностью, соответствием друг другу. Обеспечение разумности правового регулирования является одним из актуальных направлений правовой реформы, становится проблемой юридической науки в целом, требующей всестороннего научного исследования. Данные проблемы не получили самостоятельного исследования на монографическом уровне.

Ключевые слова: суд, судебная практика, разумность, оценочные категории.

Estimate Categories and Problems of Judicial Practice

*Kovalenko Kseniya E.,
Assistant of the Department of Labor,
Ecological Law and Civil Proceedings
of the Altai State University*

The topicality of the research subject is conditioned upon theoretical and practical importance of the reasonability requirement in the solution of problems of ensuring organic development of law and elements of the Russian society legal system. The society legal culture development level is determined not only by quality condition of its particular elements but also by their coherence, conformity to each other. Ensuring legal regulation reasonability is one of the legal reform topical areas, becomes a problem of legal science in general, requiring comprehensive scientific research. These problems have not been subject to independent research at the monograph level.

Key words: court, judicial practice, reasonability, estimate categories.

В современном правоведении наблюдается повышенный интерес к соотношению разумности правовых установлений в обществе и разумности претворения правовых предписаний в жизнь, прежде всего посредством судебного правоприменения. Во многом это вызвано активизацией действия на территории России Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст. 6) и принятого в ее развитие Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок».

Этимологически «разумность» в праве выражается такими терминами, как «оптимальность», «соразмерность», «рациональность», «предусмотрительность», «расчетливость», «обдуманность», «необходимость», «оправданность».

Сейчас ум понимается именно как дееспособность человека к познанию. Принципиальная составляющая разума — его антитеза как сфере нужного и сверхчувственного — эмоциональному отражению, как сфере одиозного и заметного, а еще антитеза вере как наружному роднику, пребывающему за пределами мира.

Разум — это ядро самоуправления человека, которое составляет базу его вменяемости на уровне коллективно-публичной жизни. Нужно понимать, что такое толкование разума подразумевает отсутствие любой из болезней человеческого «рассудка» как «нормальное состояние человеческого сознания».

Разум является высшим принципом объединения, интеграции многообразия человеческих сил индивидов, групп, народов, превращение их в более сложные и совершенные формы. Он представляется сред-

ством установления в человеческой жизни упорядочивающих нормативных начал, создает общественные и социальные структуры, превращает взаимодействия людей из стихийных в сознательно регулируемые.

Неоднозначная судебная практика сложилась по вопросу понимания «разумного срока». В частности, А.А. Фриев полагает, что разумность срока определяется рядом обстоятельств: содержанием обязательства, личностью должника, доступностью для него средств транспорта и связи, расстоянием между ним и кредитором, погодно-климатическими и другими условиями, сложившимися в период исполнения обязательства и влиявшими на его исполнение. По мнению исследователя, закрепление таких критериев в ст. 314 ГК РФ будет способствовать единообразному толкованию и применению анализируемого понятия на практике, надлежащему исполнению гражданско-правовых обязательств, правильному решению вопроса о применении или неприменении мер принуждения к должнику [19]. Для случаев исполнения обязательства по договору контрактации предлагается учитывать сезонность сельскохозяйственного производства и характер обязательства. При этом разумным следует считать срок полной уборки урожая той или иной растениеводческой культуры или, если речь идет о продукции животноводства, период, необходимый для выращивания и откорма животных [16].

Судебная практика, содержащая оценочные понятия, оказывает правовое воздействие на общественные отношения так же, как деятельность законодателя, создающего писанные нормы права. Судебные решения в таких случаях дополняют, уточняют содержание оценочных понятий.

Требование разумности предлагает оценивать как необходимость сбалансированного учета законных интересов участников и целей гражданского судопроизводства. Необходимо отметить, что в российском процессуальном законодательстве упоминается принцип разумности в ч. 1 ст. 107 ГПК РФ: «Процессуальные действия совершаются в процессуальные сроки, установленные федеральным законом. В случаях, если сроки не установлены федеральным законом, они назначаются судом. Судом сроки должны устанавливаться с учетом принципа разумности». Таким об-

разом, в ГПК РФ содержится лишь упоминание принципа разумности, но не раскрывается его содержание.

Несмотря на отсутствие дефиниции понятия «разумный срок», в российском процессуальном законодательстве, Конституционный Суд РФ в ряде дел упоминает указанную категорию. Так, анализ постановлений Конституционного Суда РФ от 26 декабря 2005 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 260 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.Г. Одианкова» [2]; от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго» [3], а также жалобами ряда граждан»; определения Конституционного Суда РФ от 3 октября 2006 г. № 443-0 «По жалобе гражданки Аксеновой Эммы Васильевны на нарушение ее конституционных прав положением части первой статьи 441 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [5] позволяет сделать следующие выводы: а) Конституционный Суд РФ использует данную категорию в основном в контексте Конвенции о защите прав человека и основных свобод; б) ни в одном из документов Конституционного Суда РФ не содержится правовых позиций относительно разумных сроков рассмотрения дела.

В гражданском судопроизводстве соблюдение показанного баланса обеспечивается посредством закрепления в отдельных статьях ГПК РФ, допускающих свободу усмотрения, обязанности суда руководствоваться принципом разумности. Дело в том, что в законе не всегда возможно определить четко фиксированные сроки совершения процессуальных действий, конкретные размеры компенсаций за потерю времени, оплату услуг представителей и др., так как многое зависит от специфики гражданского дела (индивидуализации, учета особых условий). Решение таких вопросов отдается законодателем на усмотрение суда. Вместе с тем свобода в судопроизводстве не может быть безграничной, поскольку применение усмо-

тения всегда затрагивает как интересы лиц, заинтересованных в исходе дела (истцов, ответчиков, третьих лиц, заявителей по делам особого производства и др.), так и интересы правосудия в целом (ст. 2 ГПК РФ). Однако, осуществляя безграничное усмотрение, судья может либо учесть эти интересы, либо пренебречь ими, или учесть в качестве неких самодовлеющих начал. К примеру, в интересах процессуальной экономии и оперативного рассмотрения дел судья может определить срок совершения процессуального действия, в течение которого лицо, как описывали еще в римском праве, будет продолжать путь и днем и ночью, невзирая на погоду, либо же, наоборот, — «передвигаться с прохладцей» [17], затягивая срок всего судебного разбирательства [11].

Полагаем, что подобного рода временные ограничения не отвечают ни интересам правосудия, деятельность которого направлена на осуществление прав и свобод граждан, ни интересам лиц, которым они определены, т.к. чаще всего связаны с нежелательными затратами материального и морального плана.

Таким образом, в целях недопущения возможных злоупотреблений свобода судебной усмотрения не должна быть беспредельной, т.е. должна быть очерчена границей, хотя бы и не жесткой, а всего лишь ориентирующей. Такой ориентирующей границей, пределом свободы усмотрения судей в праве и выступает принцип разумности, являющийся несомненной гарантией соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан.

Содержащиеся в нормативно-правовых актах оценочные категории обоснованно требуют внимательного и осторожного толкования в случае возникновения спора. При этом практика применения таких норм во многом корректирует их содержание, и именно на эту практику ориентируются участники оборота [15].

Анализ законодательства показывает, что чаще остальных в рассматриваемой группе норм используется понятие «разумный срок». Оно содержится не только в ГК РФ, но и в других нормативных правовых актах. В отдельных статьях ГК РФ содержатся прямые отсылки к ст. 314 ГК РФ, которая закрепляет правила о сроках. Например, как устанавливает п. 1 ст. 457 ГК РФ, если в договоре купли-продажи не конкре-

тизирован срок исполнения продавцом обязанности передать товар и если невозможно определить этот срок из договора, применению подлежит ст. 314 ГК РФ. Аналогичные отсылки включены в п. 1 ст. 488, ст. 485, 487 и др. ГК РФ.

Также российские суды при толковании используют словари русского языка. Например, в решении по одному из дел было указано, что судом использован грамматический метод толкования с использованием сведений, содержащихся в толковых словарях русского языка (постановление ФАС СЗО от 20.11.2000 г. № А56-12475/00) [7].

По другому делу суд указал, что если исходить из буквального толкования понятия «столярные изделия», то это изделие из обработанного дерева (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка) (постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 24.07.2003 г. № Ф08-2635/2003-959А) [9]. По третьему делу было указано, что «толкование термина соответствует определению... в соответствии с Толковым словарем русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой» (постановление ФАС Уральского округа от 24.09.2001 г. № Ф09-1738/01-ГК) [8].

Категория «разумность» упоминается в ряде статей ГПК РФ (ст. 99, ч. 1 ст. 100, ч. 1 ст. 136), и однажды упоминается принцип разумности (ч. 1 ст. 107). Как следствие, указанной категорией в последнее время зачастую оперирует Конституционный Суд РФ в своих определениях и постановлениях.

И.В. Цветков верно отмечает: «Разумным принято считать такое судебное решение, которое основано на здравом смысле и принято с учетом весомых обстоятельств конкретного дела... разумность — это критерий оптимального выбора между различными законными возможностями решений той или иной проблемы» [20]. Любой, кто осуществляет полномочие, должен чувствовать ответственность, которая на него возложена. Это чувство гарантирует, что он предпримет любые возможные усилия, чтобы осуществлять полномочие рациональным и разумным образом. По нашему мнению, не существует опасности того, что информация о существовании судебного усмотрения приведет к отсутствию чувства ответственности за рациональное его осуществление. Напротив, осознание повышает судебскую

чувствительность. В любом случае, даже если такая опасность существует, ей нужно противостоять прямо, а не путем создания видимости, что полномочия нет.

Как отмечает Л. Эннексерус, толкователь должен исследовать внутреннюю волю, но только в той мере, в которой она нашла свое выражение в волеизъявлении. Суд не может внести в договор положение, кажущееся ему справедливым и разумным, если это не вытекает из смысла договора [21].

Так, по одному из договоров стороны не достигли соглашения о размере ответственности за просрочку оплаты услуг. При решении этого дела Высший Арбитражный Суд указал, что суд не вправе установить размер пеней за нарушение договорных обязательств (постановление ВАС РФ от 22.09.1998 г. № 21/29/98) [1].

Таким образом, разумность представляет собой один из критериев предела судебного усмотрения. Общая цель данного начала — разумное судебное решение. Разумность в процессуальном праве представляет собой нравственно-правовой предел судебного усмотрения.

В отечественной литературе понятие разумности прочно ассоциируется с англосаксонской правовой традицией. Разумность является одним из ключевых понятий, которым широко оперируют, например, британские суды. Между тем и на континенте понятие разумности играет далеко не последнюю роль в законодательстве и правоприменительной практике [23].

Вместе с тем, несмотря на различные попытки дать разумности исчерпывающее определение, их нельзя признать удачными. Резюмируя свое исследование использования термина «разумность» в международном праве, О. Кортен пишет, что отсылка к разуму в процессе разрешения юридического спора призвана маскировать противоречия, которые не могут быть в рамках этого спора удовлетворительно разрешены [16].

В качестве примеров активного использования «разумности» следует упомянуть определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2007 г. № 382-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Понедельникова Виталия Васильевича, Поповой Юлии Сергеевны и Школьной Нины Юрьевны на нарушение их конституционных прав частью первой статьи 100 Гражданского

процессуального кодекса Российской Федерации» [6], от 20 октября 2005 г. № 355-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мангутовой Галии Шамильевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 100 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [18] и др.

Как показала практика Конституционного Суда РФ, в жалобах, поданных в Конституционный Суд, оспаривается конституционность ч. 1 ст. 100 ГПК РФ, согласно которой стороне, в пользу которой состоялось решение суда, по ее письменному ходатайству суд присуждает с другой стороны расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах. Именно категория разумности вызывает недоумение и непонимание у граждан, обращающихся за защитой своих прав, например, сроки рассмотрения дела, установленные законом, и разумные сроки рассмотрения дела — это две разные категории [12].

Несмотря на широкое использование, легальное определение принципа разумности в праве отсутствует. Законодатель предоставил решение вопроса об установлении его содержания на усмотрение суда. В то же время, в силу оценочного характера разумности, представления о данном основополагающем начале могут быть самыми различными, в силу чего и решение, признанное соответствующим принципу разумности в одном случае, может не быть таковым в другом. Данное обстоятельство ведет к нарушению единообразия в правоприменении, субъективному пониманию принципа разумности, т.е. к тому, чего быть не должно.

Приведенный пример является наглядным подтверждением того факта, что верному научно-практическому разрешению проблем применения принципа разумности должно предшествовать установление его сущности. Как справедливо заметил В.М. Лебедев, «для того, чтобы решить дело на основе... разумности... нужно этот смысл, разумность... раскрыть... иначе никому не будет ясно, на каком основании принято решение» [18].

Согласно ст. 1, 11 ГПК РФ при отсутствии закона суды применяют аналогию права. Однако о том, что суды при этом должны руководствоваться принципами разумности, добросовестности и справедливости, дей-

ствующее гражданско-процессуальное законодательство не говорит. Согласно ст. 2 ГПК РФ к задачам гражданского судопроизводства не относится вынесение справедливых решений или хотя бы обеспечение права граждан на справедливое публичное разбирательство. В соответствии со ст. 195 ГПК РФ решение суда должно быть законным и обоснованным. Как мы видим, законодатель не стал после слова «обоснованным» ставить слово «разумным» или «справедливым».

Несмотря на то, что согласно ст. 6 ГК РФ руководствоваться принципами справедливости, добросовестности, разумности можно, когда нет аналогии закона, ст. 13 АПК РФ аналогичных прав суду по загадочной причине не предоставляет.

Законодатель не указал в АПК РФ или ГПК РФ на необходимость рассмотрения дела с учетом требований добросовестности, разумности и справедливости. Отсутствует также требование к судам о том, чтобы судебный акт был разумным.

Качество правосудия в современных условиях во многом зависит от уровня обеспечения права каждого на справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, включая право на исполнение судебных актов. Практика Европейского суда по правам человека показывает, что данный суд достаточно часто рассматривает дела, связанные с нарушением разумных сроков судопроизводства и исполнения вступивших в законную силу судебных актов.

Главные требования разума, на наш взгляд, можно представить во взаимодействии с рассудком. Последний чаще всего трактуют как деятельность, которая направлена на самосохранение человеческой жизни и предоставляет только личные, то есть индивидуальные, преимущества, которые не распространяются на все человечество. Рассудок строится на индивидуализме, с его помощью человек осознает свои потребности и желания, тогда как разум — это, наоборот, общественное начало в каждом человеке. С помощью разума происходит внешняя регуляция деятельности личности, его требования — всеобщее, а не индивидуальное благо, единая жизнь всего общества, которая является жизнью рода [10].

Применение принципа разумности требует от судьи соотношения выносимого решения с уровнем его правосознания, ответственности перед людьми, стоящим за судебным актом. Полагаем, что до тех пор, пока суды не будут обязаны основывать свои судебные акты на принципах разумности, добросовестности, справедливости, будет существовать разнонаправленная судебная практика и «странные» судебные акты.

Несправедливый, а равно неразумный судебный акт полностью будет противоречить главной задаче правосудия — защите нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов.

Таким образом, отсутствие единства во взглядах на определение разумности в судебной практике [13, 14] и значимости этой категории в праве говорит о необходимости обращения к научному инструментарию теории государства и права, так как отдельные изменения текущего законодательства без должного внимания к обеспечению его единства и согласованности обесценивают достигнутые в отраслевых исследованиях результаты. Выход из сложившейся проблемы видится в дальнейшем динамизме судебной практики, судебные прецеденты в таких случаях дополняют, уточняют оценочные понятия.

Литература

1. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.09.1998 г. № 2129/98 // Вестник ВАС РФ. 1998. № 12 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Версия 2011.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 декабря 2005 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 260 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.Г. Одиянкова» // Собрание законодательства РФ. 12.02.2007. № 7. Ст. 932; 2006. № 3. Ст. 337.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 12.02.2007. № 7. Ст. 932.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 20.10.2005 г. № 355-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Версия 2011.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 3 октября 2006 г. № 443-О «По жалобе гражданки Аксиной Эммы Васильевны на нарушение ее конституционных прав положением части первой статьи 441 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 08.01.2007. № 2. Ст. 406.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2007 г. № 382-О-О [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Версия 2011.
7. Постановление ФАС СЗО от 20.11.2000 г. № А56-12475/00 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Версия 2011.
8. Постановление ФАС Уральского округа от 24.09.2001 г. № Ф09-1738/01-ГК [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Версия 2011.
9. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 24.07.2003 г. № Ф08-2635/2003-959А [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Версия 2011.
10. Постановление ФАС Уральского округа от 12 июля 2004 г. № Ф09-2736/04-АК [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Версия 2011.
11. Борисова Л.В. Принцип разумности в российском гражданском процессе: пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 95 с.
12. Воронцова И.В. Постановление Европейского суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации / под ред. О.В. Исаенковой. М.: Волтерс Клавер, 2010. С. 51.
13. Коваленко К.Е. Правовая реальность и принцип разумности: понятие и характер соотношения. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 174 с.
14. Коваленко К.Е. Правосознание как фактор становления правового государства. LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 156 с.
15. Лукьяненко М.Ф. Толкование понятия «разумность» в судебной практике // Закон. 2009. № 9. С. 169–186.
16. Носова З.И. Договоры о закупках сельскохозяйственной продукции. М.: Статут, 2004. С. 128.
17. Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Петерского. М., 1997. С. 254.
18. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. М.: Рос. акад. правосудия, 2000. С. 199.
19. Фриев А.А. Исполнение гражданско-правовых обязательств: дис... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 7, 14–15.
20. Цветков И.В. Эффективность решений Конституционного Суда Российской Федерации в 2006 г. // Налоговед. 2007. № 11. С. 18–22.
21. Эннекерус Л. Курс германского гражданского права. Том 1. Полумтом 2: Введение и общая часть. М., 1950. С. 331.
22. Corten O. Notion of «Reasonable» in International Law // International and Comparative Law Quarterly. July 1999. Vol. 48. Part 3. P. 625.
23. Good Faith in European Contract Law / ed. by Reinhard Zimmermann and Simon Whittaker. Cambridge University Press, 2000.

Терроризм и уголовное законодательство Российской империи второй половины XIX века

*Колотков Михаил Борисович,
преподаватель в/ч № 44014 (г. Санкт-Петербург),
кандидат юридических наук
mkolotkov@yandex.ru*

В статье рассматривается проблема юридической квалификации преступлений террористического характера по российскому уголовному законодательству второй половины XIX века.

Ключевые слова: государственные преступления, революционный терроризм, антигосударственный терроризм, уголовное законодательство.

Terrorism and Criminal Legislation of the Russian Empire of the Second Half of the XIX Century

*Kolotkov Mikhail B.,
Lecturer of Military Base No. 44014 (City of Saint Petersburg),
Candidate of Legal Sciences*

The question of the legal qualification of terrorist character crimes in Russian criminal legislation of the second half of XIX century is discussed in the article.

Key words: state crimes, the revolutionary terrorism, the anti-state terrorism, the criminal law.

Уголовное законодательство Российской империи периода второй половины XIX века не определяло терроризм в качестве самостоятельного состава преступления, относя преступления террористического характера к категории государственных. В целом такое положение вещей справедливо, поскольку сам термин «террор» впервые появился в России лишь в начале XIX века во французско-русских словарях и обозначал страх или ужас. Одним из первых официальных источников, зафиксировавших понятие «терроризм» в России, являлся Полный французско-русский словарь под редакцией И.И. Татищева (1816 год), согласно которому терроризм представлял собой «грозную систему правления»¹. Постепенно это понятие закрепились в русском языке и нашло свое место в толковых словарях. Показательно, что понятие «террор» в большинстве словарей того периода было представлено простым переводом этого термина с латыни в значении «страх». Понятие «терроризм» появилось в российских толковых словарях в середине XIX века и в большинстве случаев определялось как время ужаса в истории Великой французской революции². Впоследствии содержательное наполнение этого термина стало существенно шире.

Во второй половине XIX века в России значительно чаще можно было наблюдать употребление понятия «революционный терроризм», что соответствовало развитию общественно-политической ситуации в государстве. Отдельные исследователи вообще применяли понятие «оппозиционный терроризм», подчеркивая тем самым, что субъектом террористической деятельности являлись лица, недовольные политическим курсом государства³. В этот период терроризм можно охарактеризовать как обособленную политическую систему, преследующую цель сменить действо-

вавший политический строй с применением методов устрашения и насилия. Данное определение вполне справедливо, поскольку оно подкрепляется сведениями из словаря Брокгауза и Ефрона, изданного в 1890–1907 гг., в котором под террором понималась «система борьбы против правительства, состоявшая в организации убийства отдельных высокопоставленных лиц, а также шпионов, и в вооруженной защите против обысков и арестов»⁴.

Во второй половине XIX века в России уголовно-правовая квалификация террористической деятельности осуществлялась, с одной стороны, путем рассмотрения терроризма в качестве общеуголовного преступления, а с другой — в принятии специальных правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления террористического характера как за преступления государственные или политические. Основным правовым источником второй половины XIX века, закреплявшим составы преступлений террористического характера, являлось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и его последующие редакции⁵. Фактически уложение систематизировало особенности законодательного закрепления составов государственных преступлений, содержащихся на тот момент в Своде законов Российской империи, конкретизировало понятийно-категориальный аппарат уголовного права, частично устранило казуальность и пробелы, содержащиеся в прежнем законодательстве.

В соответствии с уложением, к государственным преступлениям, в число которых входили преступления террористического характера, относился целый ряд составов. Прежде всего следует отметить главу I раздела III «О преступлениях против священной Особы Государя Императора и Членов Императорского Дома» (статьи 263–270 уложения), в которой определялось в качестве преступления террористического характера «всякое злоумышление и преступное действие против жизни, здоровья или чести Государя Императора и всякий умысел свергнуть его с престола, лишить свобо-

¹ Татищев И.И. Полный французско-русский словарь, составленный по новейшему изданию Лексикона Французской академии и умноженный вновь введенными словами, также техническими терминами надворным советником Иваном Татищевым: В 2-х ч. Ч. 2. М., 1816.

² См.: Байрамов Ш.Б., Пиджаков А.Ю., Смыслов Б.А. История международного и российского терроризма (от Древнего мира до Нового времени). СПб., 2010. С. 79.

³ Там же. С. 80.

⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 33 (65). СПб., 1901. С. 77.

⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ РИ). Собр. 2. 1846. Т. XX. Отд. 1. № 19283. С. 598–1010.

ды и власти верховной, или же ограничить права оной, или учинить Священной Особе его какое-либо насилие»⁶. Санкция была суровой — смертная казнь и лишение всех прав состояния, причем применялась она не только к лицам и их соучастникам, совершившим или планировавшим совершить это преступление, но и в случаях обнаружения в устной или письменной форме мыслей, желаний и мнений о возможности совершения этого преступления.

Безусловно, отделение I главы II раздела III «О бунте против власти верховной», состоящее из статей 271–274, было полностью посвящено закреплению еще одного состава преступлений террористического характера: «бунт против Власти Верховной, то есть восстание скопом и заговором против Государя и государства, а равно и умысел ниспровергнуть правительство во всем государстве или в некоторой его части, или же переменить образ правления, или установленный законами порядок наследия Престола»⁷. Следует отметить, что если о восстании заблаговременно становилось известно власти, вследствие чего оно могло быть вовремя предотвращено, то уголовный закон позволял смягчить ответственность за это преступление, заменив смертную казнь ссылкой на каторжные работы. Лишение всех прав состояния все равно не отменялось. Кроме того, в особых случаях, определенных статьей 277 уложения, за преступления террористического характера предусматривалась кумулятивная санкция: помимо основного предполагалось дополнительное наказание, выраженное в конфискации личного и родового имущества лица, совершившего преступление.

Необходимо отметить тот факт, на который обращала внимание в своих работах Е.С. Гугасари: на преступления, предусмотренные статьями 263, 266 и 271 уложения, сроки давности не распространялись⁸. Однако не следует забывать, что статья 166 уложения если не устанавливала срок давности по этим составам, то существенно снижала ответственность за преступления по исте-

чении 20 лет с момента их совершения. Этот факт может свидетельствовать о том, что законодатель старался не пренебрегать общими принципами права при формировании норм, определяющих характер и величину юридической ответственности лица, совершившего преступление.

Следующим видом преступлений террористического характера, определенных уголовным законом дореволюционной России, являлось закрепленное в статье 284 уложения «явное против властей... восстание с намерением или воспрепятствовать обнаружению Высочайших указов, манифестов, законов... или принудить сии власти к чему-либо несогласному с их долгом, когда такое принуждение или противодействие будет произведено вооруженными чем-либо людьми и сопровождаемо с их стороны насилием и беспорядками»⁹. Статья квалифицировала подобные преступные действия, а именно вооруженное восстание против властей, в общем порядке, не конкретизируя и не детализируя их направленность. Главное, чтобы эти действия в принципе были направлены против властей или принимаемых ими законов. Статья 286 уложения в свою очередь закрепляла ответственность за преступление, предусмотренное статьей 284, если оно совершено невооруженными людьми и без насильственных действий.

Схожий состав имело преступление террористического характера, предусмотренное статьей 291 уложения, которая устанавливала уголовную ответственность за вооруженное сопротивление «исполнению судебных определений или иных постановлений и распоряжений властей, правительством установленных»¹⁰. В отличие от состава, предусмотренного статьей 284, под нее попадали преступные действия частного характера, направленные против конкретного действия власти или определенного случая правоприменительной деятельности.

Помимо вышеперечисленных, Уложение 1845 г. располагало несколькими составами преступлений, по своим признакам частично подпадающими под понятие террористической деятельности. Так, Указ от 7 октября 1868 г. вносил изменения в уложение, вводя в него новый состав преступления: «всякое

⁶ Там же. С. 644.

⁷ Там же. С. 646.

⁸ Гугасари Е.С. Ответственность за преступления террористического характера по уголовному законодательству Российской империи XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 3 (9). С. 10.

⁹ ПСЗ РИ. Собр. 2. 1846. Т. XX. Отд. 1. № 19283. С. 650.

¹⁰ Там же. С. 652.

насилие против караула или часовых, охраняющих Священную Особу Государя Императора и Членов Императорского Дома»¹¹. Ответственность за это преступление устанавливалась в статьях 271–274 уложения.

Наряду с этим, статья 1243 уложения предусматривала уголовную ответственность в виде смертной казни за «изготовление или хранение у себя запрещенного законом или в большом количестве оружия, или пороха, бомб, гранат», если подозреваемый имел при этом «какую-либо противную государственной безопасности или спокойствию цель»¹². Примечательно, что эта правовая норма являлась отсылочной: санкция устанавливалась на основании содержания отсылаемых статей 271, 272, 275–277, относящихся непосредственно к терроризму.

Также необходимо выделить статью 347 уложения, имеющую отношение к преступлениям, связанным с терроризмом. Статья предусматривала уголовную ответственность за организацию или участие в тайных обществах и запрещенных сходбищах, «имеющих вредную для спокойствия или целостности государства, или противную установленным законами образу и порядку правления цель»¹³. Эта норма тоже являлась отсылочной: наказание определялось статьями 264, 271 и 272 уложения. Впоследствии закон «О противозаконных сообществах» от 27 марта 1867 г. во всех отношениях детализировал содержание статьи 347 уложения. Во-первых, был формально определен сам термин «противозаконное общество», под которым понимались все тайные общества, с какой бы целью они ни были учреждены; все преследующие вредную цель собрания, собрания и прочие объединения; все те общества, которые уклоняются от цели своего учреждения, действия которых вредны для государственного благоустройства или общественной нравственности¹⁴. Во-вторых, закон разграничил ответственность организаторов и участников таких обществ, заменив собой соответствующие статьи уложения. В-третьих, новые правовые

нормы предусмотрели существенное снижение ответственности: если ранее статья 347 уложения предусматривала наказание в виде смертной казни, то новый закон вводил дифференцированную шкалу ответственности в зависимости от степени вовлеченности лица в преступную деятельность противозаконного общества. Теперь наказывать разрешалось ссылкой в Сибирь или отдаленные губернии, отдачей в исправительные арестантские роты, тюремным заключением на срок до одного года и четырех месяцев, срочной ссылкой на каторжные работы на срок от 12 до 15 лет. Наконец, в-четвертых, закон предусмотрел возможность освобождения от ответственности в случаях сотрудничества с властью и искреннего раскаяния.

Очередные изменения в порядок правового регулирования борьбы с противозаконными обществами внес Закон «О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участие в оных» от 4 июня 1874 г.¹⁵. Закон существенным образом конкретизировал понятие противозаконного сообщества, в опосредованной форме определив возможные цели его создания и допустимые предполагаемые правовые последствия. Частично изменилась и ответственность за учреждение или участие в противозаконных сообществах, которая стала более зависимой от обстоятельств, при которых совершено преступление.

Таким образом, российскому уголовно-правовому законодательству периода второй половины XIX века в вопросе квалификации преступлений террористического характера было достаточно далеко до состояния полного оформления: обновление российской правовой системы в этот период носило концептуальный, комплексный и непрерывный характер, что не могло не отразиться и на уголовном праве. Поиск модели уголовно-правового регулирования террористической деятельности осуществлялся постоянно, иногда давая ощутимые результаты, однако существенно отставая от развития революционных и террористических настроений в обществе. Вопрос терминологической ориентации уголовного законодательства по проблеме терроризма продолжал оставаться открытым, но при этом уголовный закон все-таки довольно успешно справлялся с задачей оперативного пра-

¹¹ ПСЗ РИ. Собр. 2. 1868. Т. XLIII. Отд. 2. № 46321. С. 314.

¹² ПСЗ РИ. Собр. 2. 1846. Т. XX. Отд. 1. № 19283. С. 833.

¹³ Там же. С. 667.

¹⁴ ПСЗ РИ. Собр. 2. 1867. Т. XLII. Отд. 1. № 44402. С. 330.

¹⁵ ПСЗ РИ. Собр. 2. 1874. Т. XLIX. Отд. 1. № 53606. С. 852–854.

вового реагирования на террористические проявления в России.

Литература

1. Байрамов Ш.Б., Пиджаков А.Ю., Смыслов Б.А. История международного и российского терроризма (от Древнего мира до Нового времени). СПб., 2010.
2. Гугасари Е.С. Ответственность за преступления террористического характера по уголовному законодательству Российской империи XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 3 (9). С. 9–13.
3. ПСЗ РИ. Собр. 2. 1846. Т. XX. Отд. 1. № 19283.
4. ПСЗ РИ. Собр. 2. 1867. Т. XLII. Отд. 1. № 44402.
5. ПСЗ РИ. Собр. 2. 1868. Т. XLIII. Отд. 2. № 46321.
6. ПСЗ РИ. Собр. 2. 1874. Т. XLIX. Отд. 1. № 53606.
7. Татищев И.И. Полный французско-русский словарь, составленный по новейшему изданию Лексикона Французской академии и умноженный вновь введенными словами, также техническими терминами надворным советником Иваном Татищевым: В 2-х ч. Ч. 2. М., 1816.
8. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 33 (65). СПб., 1901.

Политические репрессии истинно-странствующих христиан в конце 1920-х гг. по материалам архивно-следственного дела

*Поляков Алексей Геннадьевич,
помощник директора Кировского филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат исторических наук
agp17@rambler.ru*

В статье на архивных материалах впервые рассматривается протестная религиозно-политическая деятельность группы истинно-странствующих христиан и репрессивный ответ государства.

Ключевые слова: модернизация, политический протест, репрессии, истинно-странствующие христиане (подпольники), старообрядческий раскол.

Political Repressions of Truly Errant Christians at the End of 1920s Based on Materials of Archival Investigation Case

*Polyakov Aleksey G.,
Assistant Director of the Kirov Branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Candidate of Historical Sciences*

The article was first seen archival materials protest religious and political activities of the group truly errant Christians and the repressive response of the state.

Key words: modernization, political protest, repression, truly itinerant Christians (podpolniki), Old Believers split.

Старообрядческий раскол был ответной протестной реакцией народа на модернизационные преобразования в стране. Старообрядцы, как политически неблагонадежные, находились под особым контролем государства как в царской, так и затем советской России¹.

¹ Поляков А.Г. Викторианское течение в Русской Православной Церкви. Киров, 2009. С. 24–25.

Одной из наиболее радикальных ветвей старообрядчества были «истинно-странствующие христиане, подпольники», (по-другому — странники, бегуны и т.д.), преследование которых продолжалось при очередном витке модернизации страны в конце 1920-х гг.

Летом 1929 года оперуполномоченному Вятского окружного отдела ОГПУ Нижегородского

родского края² стало известно о нахождении вдали от путей сообщения, в лесах северной части Халтуринского района, на границе с Коми-областью и Северо-Двинской губернией, группы верующих, идентифицирующих себя как «истинно-странствующие христиане», «подпольники».

В архивно-следственном деле по обвинению данной группы в антисоветской деятельности имеются сведения, что общая численность их составляла примерно 420 человек, главным образом приезжих из Украины, с Урала, из Сибири. По данным самих подпольников, ориентировочно в 1924 г. их насчитывалось приблизительно 2000 человек, из них около 200 мужчин, половина которых в возрасте от 10 до 45 лет.

Как установило следствие, 59 человек (из них около 2/3 мужчин) были активными членами (преимущественно из зажиточных крестьян и бывших торговцев), стаж у некоторых составлял не менее 10–20 лет. Имелось 15 келий (с оборудованными тайниками-схронами для людей). Основная их часть была сконцентрирована в северной части Пинюжанской и частично в Гороховской волостях.

Центром подпольников был починок Градовский Коми-области, где был построен молитвенный дом, с катакомбами.

В кельях при обыске была изъята рукописная и печатная литература, фотокарточки лидера, личная переписка, денежные сбережения, «греховные тетради».

Пополнение адептов происходило за счет эсхатологической агитации о необходимости спасения, поскольку настанет конец света, придет антихрист и т.д. Также практиковались покупка детей у бедняков, насильственное удержание (в особенности девушек), укрывательство преступников. Так, в апреле 1928 г. подпольники взяли в келью двух учениц — девочку Капитолину и дочь Анны Родионовны Пестриковой. Также предполагал отдать в подполье свою внучку-сироту Егор Корнилов Крюков.

Эсхатологическая агитация насыщалась антиправительственными протестными настроениями и агитацией, связанными с коллективизацией, налогами, образовательной

и культурной политикой, медицинским обслуживанием, саботажем исполнения гражданских обязанностей. Отказ от своевременного медицинского обслуживания (так как это считалось греховным делом) приводил порой к летальным исходам, не говоря уже о тяжелых формах заболеваний. Так, например, в д. Родичи у Варфоломея Ситникова была подвергнута водному крещению больная жена на второй день после родов. Ее опустили в кадку с холодной водой, в которой она до окончания процесса скончалась.

Материально базой для существования актива верующих стала специально приобретенная для этих целей мельница, а также сельскохозяйственная артель «Любители труда». Широко практиковались натуральные и денежные сборы с сочувствующих, родственников умерших, десятина, пожертвование имущества для спасения души.

Лидер группы — «предельный старец» Христофор Иванович (Зырянов Емельян Иванович), имеющий неограниченную власть», документов, удостоверяющих личность, не имел, переезжал из местности в местность по Нижегородскому краю. К странникам примкнул в 25 лет, стал духовным лидером в 1922 г., на что получили соответствующие полномочия на соборе старцев. Его бывшая родина — д. Верх. Заступовы Ильинской волости Пермской губернии и одноименного уезда. Родители до отречения от мира были крестьянами: мать вместе с ним странствовала, отец умер. В странствовании научился плотничать и класть печи.

Приведем выдержку из следственного дела: «...от названия настоящего своего имени, по религиозным убеждениям, отказался, в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал. Социалистическую революцию (в целом признает.— А.П.)... несправедливой признает в том, что Советская власть делает все на почве безбожия. Большой привилегии к Советской власти не имеет, как и ко всякой другой власти, потому что мир отступил и внес разные ереси и несчастья и, в конце концов, и безбожие. С 1666 г. считает всех отступниками и еретиками. От Советской власти не укрывался до тех пор, пока она не гнала их. Гражданская власть имеет о них неправильное представление. Жизнь вне мира зависит не от отдельных личностей, а от Советской

² Постановлениями ВЦИК от 14 января и 10 июня 1929 г. Вятская губерния вошла в Нижегородскую область (преобразованную в Нижегородский, а с 1932 г. — Горьковский край).

власти, которая если б не преследовала их, они бы скрываться не стали. Не носит настоящего своего имени и избегает регистрации в органах Соввласти потому, что это является преступлением перед богом, т.к. каждый инок за указание даже места своей приписки подлежал бы отлучению от церкви. Кроме этого, изменение новолетия и чисел месяца не позволяет регистрироваться...»

«Он и организация странствующих против культуры не идут, — наоборот, члены его стремятся быть культурными, но науку и культуру они ставят на второй план, — на первом плане вера в бога... наука без бога нежизненна, она должна быть соединена с богом. Ввиду таких взглядов на науку он против изб-читален. Всякую классовую борьбу он отрицает и считает ее ненужной, убежден, что все делается само по себе.

Считает, что наступили последние времена существования настоящего мира — близко второе пришествие мира Христа. Все окружающее мирское считает миром сатаны, а всех не верующих в бога людей считает антихристами, в данном случае и стоящих во главе управления органов Соввласти. Этому он учил своих последователей. Он не против медицины, но полагает, что прежде нужно обратиться к богу, а потом к медицине. Духовным детям приходилось налагать духовные наказания — эпигамии. К физическим наказаниям, в виде применения розг, не прибегает, но думает, что если бы к кому-либо пришлось их применить, то применил бы, если поступок этого заслуживает... Содержатели кельи в дер. Родичи был Лукоян Ситников, после ареста его — сестра Парасковья. Кому принадлежит персонально изъятое имущество в убежище, он не знает. Почти в каждой келье благодетелями устраиваются потайники для укрывательства от преследований власти. Все они были выстроены до Соввласти. Литература приобретает где придется. Греховные тетради представляются не всеми страницами.

Все они представляются ему на просмотр, и в зависимости от указанных в них поступков налагаются эпитимии.

Общество странствующих возглавляет Арсений, в прошлом он был в гор. Данилове...

С крестьянами в беседах говорил, что люди, сидящие у власти сверху донизу, ничего не понимают в вопросах веры, но людишками и собачками их не называл. Считает, что все они в действительности в вопросах веры ничего не понимают и должны к ним идти учиться...»

Примечательны рассуждения Христофора Ивановича о том, что подпольники законопослушны и лояльны к власти, поскольку, как и требуют последние, они:

- не убивают, не воруют;
- не обижают, защищают и освобождают от угнетения бедняков;
- не пьянствуют, не варят кумышку, не торгуют вином;
- не ездят без билетов в поездах, в вагонах не сорят, не стоят в тамбурах;
- сеют, жнут и косят;
- на крышах бочку с водой держат;
- соблюдают чистоту во дворах и вокруг.

Следствие признало обвинение в антисоветской деятельности группы подпольников доказанным и постановило: передать дело на внесудебное рассмотрение Особого совещания при коллегии ОГПУ на предмет изоляции от общества 23 «социально-вредных» человек, остальных оставить под подписку о невыезде, несовершеннолетних временно поместить в детский дом³.

Литература

1. Поляков А.Г. Викторианское течение в Русской Православной Церкви. Киров, 2009. С. 24–25.

³ Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Ф. Р-6799, оп. 3, д. Су-4939, т. 1, л. 320–322; т. 2, л. 325–328; т. 3, л. 340–344 (1040–1084).

Институт ответственности членов семей коллаборационистов в советском законодательстве в годы Великой Отечественной войны

*Фомин Алексей Анатольевич,
соискатель кафедры истории государства и права
Уральского государственного юридического университета
fomin.alex81@mail.ru*

Статья посвящена вопросам правовой регламентации ответственности членов семей коллаборационистов в годы Великой Отечественной войны. Автор обращается к истории становления института ответственности родственников изменников Родине в предвоенный период и особенностям его развития в военное время. В статье рассмотрены основания, порядок применения и документального оформления репрессий, а также специфика нормативного закрепления и реализации условий освобождения от ответственности членов семей изменников Родине.

Ключевые слова: *коллаборационисты, измена Родине, репрессии, ответственность членов семей изменников.*

Institute of Responsibility of Collaborationists Family Members in the Soviet Legislation in the Great Patriotic War Years

*Fomin Aleksey A.,
Student Seeking Candidate Degree of the Department of History of State and Law
of the Urals State Law University*

The article is devoted to legal regulation of the liability of the members of the families of collaborators during the Great Patriotic war. The author refers to the history of formation of Institute of responsibility of the relatives of traitors of the Motherland in the pre-war period and the peculiarities of its development in wartime. The article describes the grounds and procedure for applying and documenting the repression and the specificity of the regulatory consolidation and the implementation of the conditions of exemption from liability of members of families of traitors of the Motherland.

Key words: *the collaborators, treason, repression, responsible members of families of traitors.*

В словаре иностранных слов понятие «коллаборационист» объясняется следующим образом: «... (от франц. *collaboration* — сотрудничество) изменник, предатель родины, лицо, сотрудничавшее с фашистскими захватчиками в оккупированных им странах во время Второй мировой войны (1939–1945)»¹. В советском праве отсутствовал термин «коллаборационист». Наиболее распространенной юридической характеристикой проявлений коллаборационизма являлось отнесение подобной деятельности к измене Родине. Период Великой Отечественной войны охарактеризовался усилением борьбы с изменниками Родине и репрессий в отношении членов их семей.

Одним из первых правовых документов чрезвычайного характера, предусматривающих новые, обусловленные условиями военного времени, формы измены Родине, яв-

лялся приказ Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии от 16 августа 1941 года № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» (далее — приказ № 270)². Помимо новых юридических критериев предательства, данным приказом была введена ответственность и для родственников «сдавшихся в плен красноармейцев». Их семьи подлежали «аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров» и лишались государственного пособия и помощи.

Вместе с тем, к началу войны законодательство уже предусматривало меры уголовного наказания в отношении родственников изменников Родине, действие которых распространялось и в военные годы. Статья 3 закона об измене Родине, изданного ЦИК СССР 8 июня 1934 года в

¹ Современный словарь иностранных слов. М.: Изд-во «Русский язык», 2000. С. 287.

² Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 26–28.

дополнение к Положению о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления), установила уголовную ответственность совершеннолетних членов семьи военнослужащего, совершившего измену Родине³. Данное положение вошло в УК РСФСР в качестве ст. 58-1 «в»⁴. Ответственность наступала при наличии двух условий — измена Родине совершена военнослужащим и выразилась в побеге или перелете за границу. Часть 1 статьи установила две формы преступного деяния — содействие готовящейся или совершенной измене и недонесение о ней. Нормативно перечень родственников конкретизирован не был. При этом уголовно-правовая доктрина исследуемого периода относилась к ним супруга, родителей, детей, братьев и сестер⁵. Часть 2 предусматривала объективное вменение для совершеннолетних членов семьи военнослужащего, совершившего переход на сторону врага. Ответственность наступала только в связи с наличием родства с изменником Родине и выражалась в лишении избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет. Данная норма прямо противоречила ст. 10 уголовного закона, предусматривающей ответственность только при наличии вины в форме умысла или неосторожности. Однако такой подход оправдывался исключительным характером охранительной нормы, обусловленным тем, что «политический ее смысл заключается в усилении общепреventивного действия уголовного закона для предупреждения такого тягчайшего преступления, как совершаемый военнослужащим переход или перелет за границу, в результате которого сам виновный не может быть подвергнут наказанию»⁶.

³ Свод законов СССР. 1934. № 33. Ст. 255.

⁴ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1934 года «О дополнении Уголовного кодекса РСФСР ст. 58-1 “а”, 58-1 “б”, 58-1 “в”, 58-1 “г”» // Собрание узаконений РСФСР. 1934. № 30. Ст. 173.

⁵ Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР: Комментарий / под ред. И.Т. Голякова. 2-е изд. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1946. С. 66.

⁶ Герцензон А.А., Меньшагин В.Д., Ошеревич Б.С., Пионтковский А.А. Уголовное право. Особенная часть. Государственные преступления. М.: Юрид. издательство НКЮ СССР, 1938. С. 42.

4 декабря 1940 года нарком внутренних дел Л.П. Берия направил И.В. Сталину сообщение, в котором отмечал, что «действующим уголовным законодательством не предусмотрена ответственность членов семей изменников Родине, если бежавший за границу не является военнослужащим», и предложил это исправить⁷. К письму прилагался проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О привлечении к ответственности изменников Родине и членов их семей», а также проект указа Президиума Верховного Совета СССР на случай «необходимости опубликования этого решения»⁸. Однако указ, предусматривающий изменения уголовного законодательства, принят не был. Ответственность членов семей изменников Родине из числа гражданских лиц была предусмотрена на уровне постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР № П23/152, имевшего гриф «Строго секретно», принятого 7 декабря 1940 года «в дополнение к действующему закону (статья 58-1 “а” Уголовного Кодекса РСФСР)» (далее — постановление № П23/152). Таким образом, инициатива НКВД СССР в отношении привлечения к ответственности членов семей изменников Родине из числа гражданских лиц была реализована негласно, без формального изменения уголовного законодательства. Теперь они подлежали ссылке в отдаленные северные районы СССР на срок от 3 до 5 лет с конфискацией всех принадлежащих им построек, сельскохозяйственного инвентаря и домашнего скота на основании решения Особого совещания при НКВД СССР⁹.

На основании постановления № П23/152 приказом НКВД СССР от 10 декабря 1940 года № 001552 была объявлена инструкция «О порядке ссылки в отдаленные северные районы СССР членов семей изменников Родине, бежавших или перелетевших за границу»¹⁰. Документ конкретизировал степень родства совершеннолетних членов семьи изменника — отец, мать, жена, муж, дети, тесть, теща, братья, сестры. Однако репрессиям фактически подвергались и не-

⁷ Лубянка: Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946: Архив Сталина / под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД; Материк, 2006. С. 202.

⁸ Там же. С. 203.

⁹ Там же. С. 201–202.

¹⁰ Там же. С. 203–204.

совершеннолетние дети, которые должны были следовать к месту ссылки совместно с родителями.

В соответствии с постановлением Государственного комитета обороны (далее — ГКО) от 27 декабря 1941 года № 1074-сс выселению в отдаленные области СССР подлежали семьи лиц, служивших в административно-карательных органах германских властей, а также добровольно отступивших вместе с фашистскими войсками¹¹.

30 мая 1942 года был издан совместный приказ НКВД СССР и Прокурора СССР № 215/51с (далее — приказ № 215/51с)¹². В приказе отмечалось, что «подлежат аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на срок от 3 до 5 лет совершеннолетние члены семей: а) военнослужащих, осужденных Особым совещанием при НКВД СССР или судебными органами за побег или перелет за границу в соответствии со статьей 58-1 «б» УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик; б) командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу в соответствии с приказом Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года; в) гражданских лиц, совершивших побег или перелет за границу в соответствии с постановлением Правительства от 7 декабря 1940 года (см. приказ НКВД СССР № 001552 от 10.12.1940 года)»¹³. К членам семьи изменника Родине приказ относил отца, мать, мужа, жену, сыновей, дочерей, братьев и сестер. Органам НКВД предписывалось заводить учетные дела на членов семьи изменников одновременно с их арестами или установлением фактов преступлений, которые следовало выносить на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР. Решения по ним направлялись для исполнения в органы НКВД по месту жительства выселяемой семьи. Не подлежали аресту и ссылке семьи, в составе которых устанавливалось наличие военнослужащих Красной Армии, партизан, лиц, оказывавших им содействие в период оккупации, а также награжденных орденами и медалями СССР.

¹¹ Там же. С. 324.

¹² Архив Управления ФСБ России по Свердловской области (далее — АУФСБСО). Ф. 1, оп. 1, д. 153, л. 2–4.

¹³ АУФСБСО. Ф. 1, оп. 1, д. 153, л. 2–4.

18 июня 1942 года Л.П. Берия докладывал И.В. Сталину о том, что на основании действующего уголовного законодательства, постановления № П23/152 ответственности подлежали только члены семей изменников Родине, осужденных за бегство или перелет за границу¹⁴. Кроме этого, репрессии предусматривал приказ № 270. Однако законодательство не позволяло привлекать членов семей лиц, совершивших измену Родине в иных формах (шпионаж, служба в карательных или административных органах немецких оккупантов и др.). Наркомом был представлен проект постановления ГКО, который был принят 24 июня 1942 года.

В соответствии с постановлением № ГОКО-1926сс «О членах семей изменников Родине» (далее — постановление ГКО от 24 июня 1942 года) аресту и ссылке в отдаленные местности СССР (на срок 5 лет) подлежали совершеннолетние члены семей лиц (военнослужащих и гражданских), которым судебными органами или Особым совещанием при НКВД СССР была назначена высшая мера наказания по ст. 58-1 «а» УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик за шпионаж в пользу Германии и других воюющих с СССР стран; переход на сторону врага, предательство или содействие немецким оккупантам; службу в карательных или административных органах немецких оккупантов; попытку измены Родине и изменнические намерения; за добровольный уход с оккупационными войсками при освобождении захваченной противником территории¹⁵. Перечень членов семьи изменника, а также условия освобождения от репрессии были предусмотрены согласно приказу № 215/51с.

27 июня 1942 года в дополнение к приказу № 215/51с НКВД СССР и Прокурор СССР издали приказ № 252 (далее — приказ № 252), согласно которому подлежали ссылке на срок 5 лет члены семей лиц, которым была назначена высшая мера наказания как по ст. 58-1 «а», так и по ст. 58-1 «б» УК РСФСР¹⁶. При этом основания репрес-

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 644, оп. 2, д. 72, л. 97–98.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 644, оп. 1, д. 40, л. 61.

¹⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 3: В 2-х кн. Кн. 1: Крушение «Блиц-

сий были приведены в редакции постановления ГКО от 24 июня 1942 года, без включения форм измены Родине, предусмотренных приказом № 215/51с. Вместе с тем следует отметить, что сохранивший юридическую силу приказ № 215/51с, в отличие от постановления ГКО и приказа № 252, не рассматривал назначение изменнику высшей меры наказания в качестве обязательного условия репрессий, а также устанавливал иной срок ссылки (от 3 до 5 лет).

Несогласованный характер предписаний нашел отражение в комментариях правоприменителей и нормативных актах территориальных органов госбезопасности уже с первых дней действия приказа № 252. Так, 28 июня 1942 года начальником 1-го спецотдела УНКВД СССР по Свердловской области была подготовлена справка «о имеющих противоречия в директивных указаниях о привлечении к ответственности членов семей изменников Родине»¹⁷, а Инструкция УНКВД СССР по Свердловской области от 30 июня 1942 года № 66322 предусматривала основания репрессий только в соответствии с приказом № 252¹⁸.

Расширительное толкование директив, отдельные требования которых носили коллизионный характер, по нашему мнению, только способствовало активизации репрессивной практики органов госбезопасности. Так, только за период с 24 июня по 10 августа 1942 года органами НКВД было привлечено к ответственности 2688 семей изменников Родине¹⁹.

Очередным документом, внесшим вклад в развитие рассматриваемого института, явился совместный приказ НКВД СССР и Прокурора СССР от 15 июля 1942 года № 311²⁰. В соответствии с ним репрессиям подлежали члены семей рядовых военнослужащих, расстрелянных по постановлению Особого отдела НКВД СССР за совершение террористических актов в отношении командного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота. К учетному делу

приобщалась копия постановления Особого отдела о расстреле.

В соответствии с директивой НКВД СССР и Прокурора СССР от 25 августа 1942 года № 3541 в случае отсутствия приговора и если «из последнего или других имеющихся в органах НКВД материалов с несомненностью усматривается факт измены Родине» разрешалось учетные дела представлять в Особое совещание при НКВД СССР с приложением сообщения Главной военной прокуратуры, подтверждающего «невозможность получения справки об утверждении или исполнении приговора»²¹.

21 сентября 1942 года НКВД СССР и Прокурор СССР издали совместную директиву № 3712, согласно которой в случае отсутствия судебного приговора или решения Особого совещания при НКВД СССР основанием для заведения учетного дела могли выступать — акт либо справка командования воинских соединений, сельсовета, райисполкома или горсовета, заключение местного органа НКВД, Особого отдела либо прокурора о расстреле изменника с приложением свидетельских показаний²². Таким образом, предусмотрев новые поводы для заведения учетных дел, директивы № 3541 и № 3712 расширили тем самым и основания для следующих за этим репрессий в отношении членов семей изменников Родине.

В соответствии с постановлением ГКО от 11 октября 1942 года № ГОКО-2401сс члены семей дезертиров, занимающихся бандитизмом, вооруженными грабежами и контрреволюционной повстанческой работой, которым была назначена высшая мера наказания, подлежали репрессиям в соответствии с постановлением ГКО от 24 июня 1942 года²³. Во исполнение данного требования Прокурором СССР 12 октября 1942 года был издан приказ № 13/18580с²⁴.

Юридическое закрепление оснований для освобождения от репрессий членов семей изменников Родине вовсе не означало обязательного применения их на практике. Так, показательным является пример ре-

«рига» (1 января — 30 июня 1942 г.). М.: Изд-во «Русь», 2003. С. 570–571.

¹⁷ АУФСБСО. Ф. 1, оп. 1, д. 153, л. 7.

¹⁸ АУФСБСО. Ф. 1, оп. 1, д. 153, л. 10–11.

¹⁹ Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2011. С. 174.

²⁰ АУФСБСО. Ф. 1, оп. 1, д. 153, л. 14.

²¹ АУФСБСО. Ф. 1, оп. 1, д. 153, л. 20.

²² АУФСБСО. Ф. 1, оп. 1, д. 153, л. 23.

²³ РГАСПИ. Ф. 644, оп. 1, д. 63, л. 146.

²⁴ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика: Верховный Совет Российской Федерации, 1993. С. 41–42.

прессирования жительницы г. Свердловска Р. — жены изменника Родине. Два ее брата являлись участниками Великой Отечественной войны. Один из них героически погиб в ноябре 1943 года в ходе боев по обороне Севастополя и был награжден медалями «За отвагу», «За оборону Севастополя», другой — имел медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией». Вместе с тем, согласно заключению УМГБ СССР по Свердловской области, учетное дело на Р. хотя и подлежало прекращению в соответствии директивой № 215/51с, но, «учитывая особую тяжесть совершенной измены Родине», было передано на рассмотрение Особого совещания при МГБ СССР, которое 23 августа 1947 года направило Р. в ссылку в Тюменскую область на 5 лет²⁵. Муж Р., бывший офицер Красной Армии, был осужден 31 декабря 1946 года Военным трибуналом Московского военного округа по ст. 58-1 «б» УК РСФСР и приговорен к расстрелу с конфискацией имущества²⁶. Находясь на фронте, он добровольно сдался в плен немцам и впоследствии принимал активное участие в организации деятельности коллаборационистских формирований, в том числе «Русской национальной народной армии», а затем и «Русской освободительной армии».

Р., будучи репрессированной и направленной в ссылку с двумя малолетними детьми, неоднократно пыталась обжаловать это решение, обращаясь с письмами к И.В. Сталину и председателю Президиума Верховного Совета СССР, в которых указывала о боевом опыте и наградах братьев. Однако, несмотря на имеющиеся правовые основания для освобождения от репрессирования, ее ходатайства не были удовлетворены. Так, в частности, заключением отдела «А» МГБ СССР от 14 ноября 1947 года данный отказ был обусловлен тем, что «ее муж осужден как власовец», а «указанные в заявлении Р. мотивы Особому совещанию при решении ее вопроса были известны»²⁷.

Данный пример показывает, что подобное игнорирование правовых предписаний являлось не результатом искаженного

правопонимания либо неправильного применения норм в конкретной ситуации, а проявлением сложившегося подхода, допускавшего возможность нарушения исходя из целесообразности, оправданной в данном случае тяжестью содеянного изменником.

Таким образом, анализ института ответственности членов семей изменников Родины показывает, что он был установлен еще довоенным советским уголовным законодательством и получил широкое нормативное развитие и правоприменение в чрезвычайных условиях военного периода. Предусмотренные меры ответственности существенно ужесточились, усилив его репрессивную функцию. Целевое толкование соответствующих охранительных норм, учитывающее политико-идеологические установки руководства советского государства в исследуемый период, позволяет оценивать рассматриваемый институт в качестве элемента превентивного характера общей системы правового регулирования противодействия изменнической деятельности советских граждан.

Нормативно-правовые акты, составлявшие рассматриваемый институт, влияли также и на квалификацию деяний самих коллаборационистов, поскольку они, закрепляя основания для репрессирования членов их семей, содержали описание форм и признаков изменнической деятельности. Вместе с тем, объективное вменение ответственности в отношении членов семей изменников Родины, безусловно, следует оценивать как исключительно репрессивный институт, не подлежащий оправданию никакими превентивными целями и политической целесообразностью.

Анализ нормативных правовых актов органов госбезопасности показывает их значительную роль в данном институте, поскольку они не только детально регламентировали порядок применения и документального оформления репрессий, но и, что особенно важно, существенно расширяли содержание положений законодательных актов в отношении их юридических оснований. Вместе с тем, органы госбезопасности зачастую выступали инициаторами их издания. Подобный подход, а также выявленные недостатки юридической техники и несогласованный, коллизионный характер ряда норм, на наш взгляд, способствовали

²⁵ Государственный архив административных органов Свердловской области (далее — ГААОСО). Ф. Р-1, оп. 2, д. 38868, л. 7.

²⁶ ГААОСО. Ф. Р-1, оп. 2, д. 38867, л. 1–2.

²⁷ ГААОСО. Ф. Р-1, оп. 2, д. 38867, л. 24.

еще большему усилению необоснованных репрессий в отношении членов семей лиц, которые привлекались к ответственности за коллаборацию с врагом.

Литература

1. Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 26–28.
2. Герцензон А.А., Меньшагин В.Д., Ошерович Б.С., Пионтовский А.А. Уголовное право. Особенная часть. Государственные преступления. М.: Юрид. издание НКЮ СССР, 1938. 160 с.
3. Лубянка: Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946: Архив Сталина / под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД: Материк, 2006. 640 с.
4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 3: В 2-х кн. Кн. 1: Крушение «Блицкрига» (1 января — 30 июня 1942 г.). М.: Изд-во «Русь», 2003. 706 с.
5. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика: Верховный Совет Российской Федерации, 1993. 223 с.
6. Свод законов СССР. 1934. № 33. Ст. 255.
7. Собрание узаконений РСФСР. 1934. № 30. Ст. 173.
8. Современный словарь иностранных слов. М.: Изд-во «Русский язык», 2000. 742 с.
9. Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / под ред. И.Т. Голякова. 2-е изд. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1946. 340 с.
10. Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2011. 432 с.

Борьба с растратами в потребительской кооперации России в период с 1946 по 1960 год

*Лысак Николай Васильевич,
профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета
Белгородского университета кооперации,
экономики и права, кандидат юридических наук
nvlisak@yandex.ru*

В статье рассматриваются вопросы борьбы с растратами в потребительской кооперации России в период с 1946 по 1960 год.

Ключевые слова: кооперация, потребительская кооперация, растраты.

Struggle against Wasteful Spending in the Consumer Cooperation of Russia in the Period from 1946 to 1960

*Lysak Nikolay V.,
Professor of the Department of Criminal Law and Proceedings
of the Law Faculty of the Belgorod University of Cooperation
Economics & Law, Candidate of Legal Sciences*

The article considers the issues of combating embezzlement in consumer cooperation of Russia in the period from 1946 to 1960.

Key words: cooperatives, consumer cooperatives, waste.

Большой проблемой для потребительской кооперации были растраты кооперативного имущества. В послевоенное время их количество существенно увеличилось.

Так, по официальным данным Министерства торговли, за 9 месяцев 1946 года правоохранительными органами по госу-

дарственной торговле было выявлено хищений и растрат на сумму 131,5 млн руб.; в то время как в потребительской кооперации — на 269,8 млн руб.¹ В этой связи в фев-

¹ Федин С.А. Преступления в системе потребительской кооперации в 1945–1953 гг. и борьба с

рале 1946 года к председателям правлений и ревизионных комиссий, бухгалтерам сельпо и райпотребсоюзов обратился с письмом председатель президиума Центросоюза СССР и РСФСР И. Хохлов. В этом письме он констатировал, что суммы растрат и хищений в организациях потребительской кооперации, особенно в сельпо, за последнее время увеличились. Это стало возможным вследствие ослабления контроля за работой лиц, которым были доверены кооперативные ценности, и невыполнения или плохого выполнения решений партии и правительства, а также указаний Центросоюза о мерах предупреждения растрат и хищений и борьбы с растратчиками. Он обозначил задачи, которые предстояло решать низовым организациям потребительской кооперации по ликвидации хищений и растрат².

Следует отметить, что многие директивы, содержащиеся в постановлениях президиума Центросоюза, повторялись, и зачастую для борьбы с растратами предлагались одни и те же мероприятия. Это касалось, например, улучшения качества проводимых ревизий, проведения их внезапно, качественного оформления материалов по обнаруженным растратам и своевременной передачи их судебно-следственным органам, подбора кадров, ответственности и т.д. Нередко на местах они и не выполнялись.

К примеру, «образцом» невыполнения решений партии, правительства и Центросоюза стали организации потребительской кооперации Рязанской области. Президиум Центросоюза СССР и РСФСР в начале 1948 года рассмотрел вопрос «О состоянии борьбы с растратами и хищениями в организациях потребительской кооперации Рязанской области»³. В своем постановлении он отметил, что в организациях потребитель-

ними правоохранительных органов (на материалах Нижнего Поволжья) // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2011. № 4. С. 98.

² См.: Маркелов Н.В., Романцов Е.Д. О сохранении социалистической собственности в организациях потребительской кооперации: сборник важнейших руководящих материалов. М.: Центросоюз, 1949. С. 3–5.

³ См.: Постановление президиума Центросоюза СССР и РСФСР от 7 мая 1948 года № 432 «О состоянии борьбы с растратами и хищениями в организациях потребительской кооперации Рязанской области» // Постановления прези-

дской кооперации Рязанской области в 1947 году выявлено 432 случая растрат и хищений на крупную сумму. Под угрозой развала оказалась деятельность ряда кооперативных организаций. Были названы причины, которые сводились к следующему: ослабление контроля за сохранностью кооперативной собственности, а в некоторых случаях прямое попустительство и пособничество растратчикам, прием на работу лиц, ранее судимых за растраты и другие корыстные преступления, семейственность, сменяемость кадров.

По поводу текучести кадров было отмечено, что в 1947 году сменилось 163 председателя сельпо, из них за злоупотребления и необеспечение руководства — 46 человек. В трех сельпо председатели сменились за год по два раза⁴.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»⁵ усиливалась ответственность за кражу, присвоение, растрату или иное хищение кооперативного имущества.

Наказание существенно повышалось, если хищение кооперативных ценностей было совершено повторно, либо организованной группой, либо в крупных размерах.

В таких случаях применялось наказание в виде лишения свободы от 8 до 10 лет с конфискацией имущества. Предусматривалась уголовная ответственность по этому указу и за недонесение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном хищении государственного или общественного имущества.

Это положение распространялось и на работников кооперации. Появление этого указа и применение его на практике в какой-то степени смягчило остроту вопроса, связанного с хищениями и должностными растратами, однако уровень корыстных преступлений в стране оставался еще довольно-таки высоким, в том числе и в потребительской кооперации.

диума и правления Центросоюза. 3-е изд. М.: Центросоюз, 1948. С. 14.

⁴ Там же. С. 14–16.

⁵ См.: Систематизированный текст общесоюзных уголовных законов и уголовных кодексов союзных республик. М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. С. 518–519.

Например, в постановлении совета Центросоюза по докладу правления Центросоюза «О мероприятиях по усилению торговли и оздоровлению финансового состояния организаций потребительской кооперации» от 15 октября 1948 года указывалось, что финансовое состояние потребительской кооперации в 1948 году действительно не улучшалось, а значительно ухудшалось. За первое полугодие 1948 года выявлено растрат на 177,2 млн рублей⁶.

В начале 1949 года Центросоюз вновь возвращается к теме борьбы с растратами и хищениями в организациях потребительской кооперации страны. Правлением Центросоюза принимается постановление от 24 апреля 1949 года № 266 «О неудовлетворительном финансовом положении потребительской кооперации и мерах по его устранению», а также приложение к нему с указанием мероприятий по усилению борьбы с растратами и хищениями в организациях потребительской кооперации⁷.

В соответствии с этим постановлением запрещалось принимать на работу, связанную с материальной ответственностью, лиц, имевших судимость за корыстные преступления. Ревизоры в случае установления фактов злоупотреблений и нарушений уголовного порядка немедленно, не ожидая рассмотрения материалов ревизий правлением организации, должны были передавать материалы в судебно-следственные органы с требованием наложения предварительного ареста на имущество виновного. Указывалось, что руководитель кооперативной организации, не поставивший своевременно в известность правление об имевшей место растрате, хищении или недостатке, подлежит привлечению к уголовной ответственности. Предлагалось осуществить и ряд других мероприятий.

В 50-е годы XX века потребительскую кооперацию преследовали все те же старые болезни. Нередко на работу, связанную с материальной ответственностью, принимались ранее судимые.

Например, администрация Алтайского крайпотребсоюза, утверждая в должности старшего бухгалтера Барнаульской торговой

базы Жданова, знала из представленных им документов, что он неоднократно был судим за хищения и растраты материальных ценностей, и, несмотря на это, приняла его на работу. Работая в указанной должности, Жданов вновь начал заниматься преступной деятельностью⁸.

Несвоевременно и некачественно проводились ревизии, что позволяло преступникам длительное время расхищать кооперативные средства.

Так, у заведующей магазином № 19 Кировского райпотребсоюза Копыловой, допустившей недостачу ценностей на 13993 руб., свыше полугодия не было ревизий, а у ранее работавшей на этой должности Борткевич ревизии не проводились в течение нескольких лет. Поверхностные ревизии в магазине деревни Погореловка Перемышльского райпотребсоюза, в магазине № 4 Ново-Александровского райкоопса Спас-Деменского райпотребсоюза позволяли их заведующим Федотовой и Маяченкову скрывать крупные недостачи путем внесения в кассу наличных денег или путем приписок и завышения стоимости товаров⁹.

Небрежно оформлялись по фактам выявленных растрат материалы, которые несвоевременно передавались судебно-следственным органам.

Однако у организаций потребительской кооперации были претензии и к следственным органам, и к судам.

Например, не налагался арест на имущество, принадлежащее обвиняемым, и, таким образом, не обеспечивалось возмещение материального ущерба.

Так, Армизонская районная прокуратура Тюменской области два года вела следствие по делу бывшего заведующего складом сельпо Логинова, растратившего 35 тысяч рублей. Растратчик не был арестован, и опись его имущества не произведена. Это дало ему возможность продать дом и другое имущество и скрыться. И такие факты, как отмечается в литературе, были неединичными¹⁰.

В результате недостаточно четкой работы следственных органов и суда преступни-

⁶ См.: Постановление правления Центросоюза. 5-е изд. М.: Центросоюз, 1949. С. 99.

⁷ См.: Маркелов Н.В., Романцов Е.Д. О сохранении социалистической собственности в организациях потребительской кооперации // Сборник важнейших руководящих материалов. С. 5–17.

⁸ См.: Гликин Я. Бережно охранять кооперативную собственность // Советская юстиция. 1958. № 8. С. 6.

⁹ См.: Сидорков А. Устранение причин хищений, злоупотреблений и недостач в системе государственной и кооперативной торговли (Из практики Калужского областного суда) // Социалистическая законность. 1959. № 12. С. 61.

¹⁰ См.: Гликин Я. Указ. соч. С. 9.

кам в некоторых случаях удавалось избежать наказания.

К примеру, ревизией универсальной базы Курганского облпотребсоюза была установлена у кладовщика Кудрявцева недостача товаров на сумму 46 тысяч рублей. В процессе ревизии Кудрявцев скрылся, а затем, узнав об амнистии, появился вновь. Дело было передано прокуратуре г. Кургана, которая освободила Кудрявцева от ответственности по амнистии.

В Алтайском крае только в декабре 1957 года органами прокуратуры было отказано в возбуждении уголовного преследования против 27 лиц, допустивших недостачи товаров на крупные суммы¹¹.

Нередко суды, совершенно необоснованно отказывали в удовлетворении гражданских исков, в полном объеме или значительно снижали суммы заявленных взысканий.

Так, народный суд Армизонского района Тюменской области, рассмотрев в декабре 1957 года дело о растрате кладовщиком Орловского сельпо Тороповым 67 тысяч рублей, осудил его, но от наказания освободил в связи с амнистией. Гражданский иск суд безосновательно снизил до 20 тысяч рублей, несмотря на то, что у Торопова уже было описано имущество на сумму 32 тысячи рублей¹².

Изложенное показывает, что в результате формального отношения работников аппарата к исполнению директив, направленных на борьбу с должностными растратами и злоупотреблениями, потребительской кооперации наносился колоссальный материальный ущерб, исчисляемый миллионами.

Со стороны следствия допускалась неоперативность и волокита в расследовании уголовных дел, возбуждаемых по фактам совершения должностных преступлений служащими аппарата потребительской кооперации. Имели место факты необоснованного освобождения их от уголовной ответственности и занижения судами исковых требований, предъявленных организациями потребительской кооперации.

Таким образом, анализ деятельности потребительской кооперации в период с 1946 по 1960 год показывает, что основную долю должностных преступлений, совершаемых служащими ее аппарата, составляли должностные растраты.

¹¹ Там же. С. 9.

¹² Там же. С. 9.

В послевоенное время их уровень даже несколько увеличился, и они причиняли системе немалый моральный и материальный ущерб.

Совершению должностных преступлений в аппарате потребительской кооперации способствовали многие факторы. Например, подбор кадров на руководящие и материально-ответственные должности осуществлялся формально.

Весьма часто на эти должности назначались лица, ранее судимые, некомпетентные и не соответствующие моральным требованиям.

Неудовлетворительно осуществлялся контроль за сохранностью кооперативных ценностей со стороны правлений и контрольно-ревизионного аппарата. Центросоюз в своих постановлениях нередко повторял одни и те же директивы, что тоже говорило о формальном подходе к разработке мер, направленных на усиление борьбы с хищениями, растратами, недостачами и другими злоупотреблениями по службе.

И, наконец, качество расследования и рассмотрения уголовных дел, возбужденных по фактам должностных растрат, совершенных служащими аппарата потребительской кооперации, находилось не на должном уровне.

Литература

1. Гликин Я. Бережно охранять кооперативную собственность // Советская юстиция. 1958. № 8. С. 6.
2. Маркелов Н.В., Романцов Е.Д. О сохранении социалистической собственности в организациях потребительской кооперации // Сборник важнейших руководящих материалов. М.: Центросоюз, 1949. С. 3–5.
3. Постановление президиума Центросоюза СССР и РСФСР от 7 мая 1948 года № 432 «О состоянии борьбы с растратами и хищениями в организациях потребительской кооперации Рязанской области» // Постановления президиума и правления Центросоюза. 3-е изд. М.: Центросоюз, 1948. С. 14–16.
4. Постановления правления Центросоюза. 5-е изд. М.: Центросоюз, 1949. С. 99.
5. Сидорков А. Устранение причин хищений, злоупотреблений и недостач в системе государственной и кооперативной торговли (Из практики Калужского областного суда) // Социалистическая законность. 1959. № 12. С. 61.
6. Систематизированный текст общесоюзных уголовных законов и уголовных кодексов союзных республик. М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. С. 518–519.
7. Федин С.А. Преступления в системе потребительской кооперации в 1945–1953 гг. и борьба с ними правоохранительных органов (на материалах Нижнего Поволжья) // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2011. № 4. С. 98.

Уголовно-правовая кампания по борьбе с хищениями государственной и личной собственности в СССР в послевоенный период

*Кодинцев Александр Яковлевич,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Сургутского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
Balsak1@yandex.ru*

Кампания по борьбе с хищениями государственной и личной собственности по указам ПВС СССР от 04.06.1947 года стала последней крупной уголовно-правовой операцией сталинского режима. Кампания протекала неудовлетворительно. Ее провал способствовал постепенному отказу от кампанейского правосудия.

Ключевые слова: хищения, разбой, постановление Пленума Верховного Суда СССР, уголовно-правовая кампания.

Criminal Legal Campaign for Struggle against Stealing of State and Private Property in the Union of Soviet Socialist Republics in the Post-War Period

*Kodintsev Alexander Ya.,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Surgut State University,
Doctor of Law, Professor*

The campaign against theft of public and private property by the USSR Supreme Soviet decrees from 04.06.1947 of the year was the last major operation of the criminal law of the Stalinist regime. Campaign was unsatisfactory. Its failure contributed to the gradual abandonment of kampaneyского justice.

Key words: theft, robbery, Plenum of the Supreme Court USSR, criminal law campaign.

В послевоенный период особую тревогу у советского руководства вызывал резкий рост преступлений, связанных с хищениями собственности. П. Соломон отмечал, что число хищений в 1946 году выросло по отношению к 1945 году на 23%. В 1946 году только 64,1% осужденных были приговорены к лишению свободы. По указу ПВС СССР от 10.08.1940 г. (указ 10-8) (п. «е» ст. 162 УК РСФСР) за мелкие хищения применялась мягкая мера наказания. В 1946 году по этому указу было приговорено к тюрьме 59% осужденных. Росло число осужденных за хищения личной собственности. Большинство наказаний предусматривали небольшие меры ответственности (за исключением закона 7-8). Так, за хищения личной собственности назначали до 3 месяцев лишения свободы, квалифицированную кражу — до 1 года, за хищения государственной собственности — лишение свободы до 3 месяцев, квалифицированную кражу — до 2 лет (в ряде случаев до 5 лет). Указ 10-8

устанавливал 1 год лишения свободы за мелкую кражу на предприятии. Грабеж и квалифицированный грабеж подлежали наказанию от 5 до 10 лет. И только по указу 7–8 применялась ВМН или 10 лет лишения свободы¹.

Руководство юстиции самостоятельно ужесточало наказания за те или иные виды хищений. Так, 31 июля 1946 года Н.М. Рычков (министр юстиции СССР) предписал судам рассматривать дела о хищении хлеба и хлебопродуктов в 10-дневный срок с применением ВМН по указу 7-8. Важные дела рассматривали в областных судах. Еще в апреле 1946 году Рычков предлагал правительству ужесточить уголовную ответственность за кражу. За хищение имущества граждан назначать от 3 до 5 лет лишения свободы, государственного общественного — от 4 до

¹ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998. С. 392–395; ГАРФ. Ф. А-353, оп. 16, д. 77, л. 31, 32; Ф. Р-5446, оп. 51а, д. 5333, л. 26–36; оп. 86а, д. 8073, л. 4; Ф. Р-9492, оп. 1а, д. 544, л. 81.

8 лет, за мелкую кражу — до 1 года, за грабеж — до 8 лет, за разбой — до 8 лет или ВМН.

П. Соломон подробно описывал разработку проектов, предшествовавших указам от 4 июня. С ноября 1945 года Горшенин (Прокурор СССР) предлагал унифицировать систему наказаний за хищения в республиках. В апреле 1946 года трое высших руководителей юстиции направили Сталину проект указа, по которому сроки лишения свободы увеличивались в 2–3 раза. В январе 1947 года они подали повторную записку. В ней не проводилось различия между хищением государственной и личной собственности. Была сформирована комиссия, которая дорабатывала текст проекта и собирала мнения разных ведомств. Было решено разделить хищения личной и государственной собственности. В этом проекте срок лишения свободы был повышен. 16 апреля Оргбюро ЦК вернуло проект указа на доработку. Сроки лишения свободы были вновь повышены. В конечном счете проект правил сам Сталин. Срок лишения свободы был резко повышен. Свобода усмотрения судьи сужена. За совершение квалифицированных хищений срок лишения свободы мог достигать 25 лет!²

4 июня 1947 года вышло два указа ПВС СССР: о хищении государственной и социалистической собственности (далее — Указ 4-6 (гос.)) и о хищении личной собственности (далее — Указ 4-6 (лич.)). Приказы производят тяжелое впечатление. По отдельным видам преступлений срок наказаний фактически вырос от 1 до 25 лет! 5 июля 1947 года вышло директивное письмо Минюста (МЮ) СССР № Д-14. Реализация указов от 4 июня провозглашалась важнейшей задачей органов юстиции и суда. Письмо обязывало судей отказаться от либерализма и сурово карать воров. Провозглашалась быстрота, суровость репрессии. Объявлялась мобилизация судов на кампанию. 22 августа 1947 года вышло постановление Пленума ВС СССР № 12/6 «О порядке применения судами Указа ПВС СССР от 4.06.1947 г.». Постановление предписывало не применять указ 7-8, статью 1 указа 10-8, ст. 59-3а, 116, 162,

165, 166, 166а, 167 и ч. 2. ст. 169 УК РСФСР. Хищения в крупных размерах подлежали компетенции областных и верховных судов, остальные — народному суду. Постановление обязывало проводить предварительное следствие. В июне 1947 года суды продолжали применять указ 10-8 к мелким кражам на производстве. Было принято секретное указание СМ СССР, действие Указа 4-6 было распространено на мелкие кражи на производстве, и виновные стали приговариваться не к 1 году тюрьмы, а к сроку от 7 до 10 лет ИТЛ, а при повторной краже или краже, совершенной организованной группой, — до 25 лет ИТЛ³.

П. Соломон отмечал низкую эффективность указа. Судьи избегали применять чрезвычайно суровые законы. Директора избегали отправлять работников на длительные сроки. По данным Соломона, кампания отличалась скоротечностью и завершилась уже в сентябре 1947 года. Прокуроры редко прекращали такие дела. Ответственность перебрасывалась на судей. Отдельные судьи игнорировали законы и продолжали применять статьи УК РСФСР, применяли наказания ниже установленного предела (статья 51 УК), условно осуждали (статья 53 УК). Вынесение таких приговоров составляло несколько процентов. Переквалифицировали крупные кражи в небольшие. Часть судей, наоборот, активно применяли закон. Возбуждалось большое количество дел за кражу килограмма мяса или зерна.

Суды стали назначать наказания во всех случаях за хищения государственного имущества, независимо от их характера и размера, а также личности обвиняемого, на срок не ниже 7 лет. И.Я. Сугробов, 1906 г. рождения, рабочий, инвалид войны, имел 4 детей; работая на мясокомбинате, похитил 600 граммов свинины, осужден к 7 годам лишения свободы; М.К. Никешина, 1923 года рождения, участница войны, похитила полметра батиста, осуждена к 7 годам лишения свободы. Людей приговаривали к лишению свободы за кражу 800 граммов теста, 2 учебников, мешка и т.д. Народный судья 2-го участка Эльбрусского района Кабар-

² В Министерстве юстиции СССР // Социалистическая законность. 1946. № 9. С. 27; Соломон П. Указ. соч. С. 392–397; ГАРФ. Ф. Р-9492, оп. 1, д. 125, л. 158–162.

³ История сталинского ГУЛАГА: конец 1920-х — первая половина 1950-х гг.: сб. докл.: В 7-ми т. М., 2004. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. С. 560; Сборник приказов и инструкций Министерства юстиции СССР 1936–1948 гг. М., 1949. С. 161–162; ГАКО. Ф. Р-903, оп. 2, д. 1, л. 66.

динской АССР 12.07.1947 года осудил по статье 1 Указа 4-6 Л.Г. Тюрина (1889 г.р.) к 7 годам лишения свободы. Тюрин, инвалид войны, не имел зубов, не мог пережевывать хлеб и просил заведующего складом дать ему муки для лепешек. Заведующий не отказал, но и не дал муки. Тюрин собрал остатки муки для замеса теста. Осуждали за моток ниток, за хищение 150 граммов зерна, за отходы, за поедание 1 кг гороха, за кражу 5 колосков ржи, за похищение рамок для меда, за несколько метров ткани. Колхозница Тобольского района Тюменской области Богданова надоила 0,75 литра молока от колхозной коровы и была осуждена к 8 годам ИТЛ. Ужесточение наказаний за хищения государственной и личной собственности в армии привело к тому, что солдаты стали осуждаться за кражу нескольких картофелин из огорода, нескольких яблок из сада и т.д.⁴

Падение числа дел началось с октября 1947 года. В целом за 1947 год рост привлечения к уголовной ответственности к 1946 году составил 47% (по госимуществу) и 76% (по личному имуществу). По УК РСФСР и закону 7-8 в 1947 году в СССР было осуждено 299 463 человека. По Указу 4-6 в 1947 году осудили 146 626 человек. Итого в 1947 году приговорили к наказаниям 446 089 человек. Если в СССР в первом полугодии 1947 года за хищения осуждалось к лишению свободы 74,9% человек, из них на сроки ниже 5 лет — 63,4%, то во втором полугодии к лишению свободы приговорено 96,7%, на срок ниже 5 лет только 0,5%. Подавляющее большинство было осуждено на сроки от 5 до 10 лет. В 1947 году за хищения личной собственности было осуждено 285 959 человек. Росло число случаев осуждений за разбой и бандитизм, в том числе на срок от 5 до 10 лет (3,7%, а затем 98,1%). Если средний срок лишения свободы в первом полугодии составлял в СССР 1,7 года (в Грузии 3,3), то во втором полугодии — 6,2 года. За разбой и бандитизм на сроки свыше 10 лет стали осуждать до половины преступников⁵.

Высшие органы юстиции пытались сгладить суровость законов. В марте 1948 года

ВС СССР расширил перечень рецидивистов по указам, но в декабре 1949 года отменил это решение. Подростков исключили из сферы действия указов. Постановление Пленума ВС СССР от 17.02.1948 г. № 4/2/у «О применении указов от 4.06.1947 г. в отношении несовершеннолетних» осуждало вынесение массовых приговоров несовершеннолетним по Указам 4-6 и устанавливало применять акты 1943 года, предписывающие прекращать дела в отношении несовершеннолетних преступников от 12 до 16 лет. Предлагалось чаще применять статью 51 УК РСФСР (назначение наказания ниже установленного в законе предела) или условное осуждение. Не допускалось осуждение несовершеннолетних за мелкие хищения, носящие характер озорства (кража яблок в саду, овощей в огороде). При этом данное постановление не распространялось на случаи разбоя и крупные хищения. В марте 1948 года ВС СССР несколько сузил понятие «шайка», указав, что это группа, организованная заранее с целью совершения одного или нескольких преступлений (постановление Пленума ВС СССР от 19.03.1948 г. № 6/4/у «О применении указов от 4.06.1947 г.»).

Министерства юстиции СССР и республик проводили частые совещания и обобщения практики по указам. Так, 9 января 1948 года применение указов обсуждалось на коллегии МЮ ЭССР. Указывалось на многочисленные ошибки при применении указов. Работники Главного управления военных трибуналов транспорта (ГУВТТ) МЮ СССР объезжали ВТ и побуждали их к работе. ГУВТТ требовало высылать копии приговоров. Изучались недостатки. Специально изучались дела, по которым ВТ применяли ИТР, заключение на срок ниже установленного в указе и условное осуждение. Были проведены обобщения судебной практики по хищениям грузов, продовольственных и промышленных товаров, по делам по указу от 04.06.1947 г. Истребовались объяснения, работники ВТ вызывались в управление⁶.

⁴ История сталинского ГУЛАГА: конец 1920-х — первая половина 1950-х гг. Т. 1. С. 550–551; Соломон П. Указ. соч. С. 411–415; ГАРФ. Ф. А-428, оп. 3, д. 126, л. 1–9; Ф. Р-9492, оп. 1а, д. 544, л. 19.

⁵ Соломон П. Указ. соч. С. 411–415; ГАРФ. Ф. Р-5446, оп. 51а, д. 5333, л. 26–36; Ф. Р-9492, оп. 1а, д. 544, л. 192.

⁶ Из практики Верховного Суда СССР // Социалистическая законность. 1948. № 5. С. 54–55; Раудсалу, В. Создание советской системы юстиции в Эстонии // Советское право. 1985. № 6. С. 432; Соломон П. Указ. соч. С. 411–415; Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников. М., 1949. Т. 3. С. 420; ГАКО. Ф. Р-903, оп. 2, д. 1, л. 72–73; ГАРФ. Ф. Р-9492, оп. 1а, д. 544, л. 108.

С 1948 года количество лиц, осужденных за хищения, сокращалось. Основное сокращение осужденных коснулось колхозников, работников транспорта и промышленных предприятий. Увеличивалось количество осужденных в торговых предприятиях. В 1949 году 24% хищений было совершено в колхозах, 23% — в торговле, 20% — в государственных учреждениях и т.д. В 1949 году на срок от 5 до 10 лет было осуждено 72%, от 11 до 15 лет — 15,5%, от 16 до 25 лет — 5,2%. Ущерб от хищений взыскивался на 12–13%. Сокращение происходило за счет уменьшения осужденных за кражи имущества граждан, за счет краж, совершенных шайкой или повторно, за разбой и недонесение. Увеличение произошло за счет разбоев, совершенных шайками⁷.

Суды испытывали постоянные колебания политики. Весной 1948 года начальник юридического отдела ПВС СССР требовал от Верховного Суда СССР отменить постановление от 22 августа 1947 года «О порядке применения указов ПВС СССР от 4 июня 1947 г.». Архипов приравнивал приостановление законов к их отмене. Но постановление было принято с санкции СМ СССР, и письма Архипова последствий не имели. Возможно, Н.М. Рычков и И.Т. Голяков были сняты со своих постов из-за неудовлетворительного проведения кампании. Им прямо вменяли в вину медленное проведение операции и либерализм. После этого новые руководители, Горшенин и Волин, в конце 1948 — начале 1949 г. отдавали строгие указания, требуя ужесточить применение указов. 9 сентября 1948 года вышел приказ Министерства юстиции СССР № 016 «О практике применения судами указа ПВС СССР от 04.06.1947 г. “Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества”». Суды осуждались за мягкие наказания, за назначение наказаний ниже санкций, предусмотренных указом. Часто не применялась конфискация, плохо взыскивались суммы. Ревизорам предписали принуждать суды не снижать наказания по ст. 51 и 53 УК. Однако вскоре отдавались другие указания, требующие соблюдать закон. Летом 1948 года Голяков просил руководство страны чаще применять статьи 51 и 53 УК РСФСР,

но получил отказ. В 1949 году МЮ СССР подготовило проект постановления, осуждавшего применение статей 51 и 53. Текст согласовывался 3 года и был утвержден только в мае 1952 года. 5 августа 1948 года Н.М. Шверник (председатель ПВС СССР) просил Сталина восстановить действие указа от 10.08.1940 г. за хищения. В октябре 1950 года трое руководителей юстиции просили Маленкова восстановить действие указа 10-8 применительно к мелким кражам. В 1951 году они вновь обратились с такой просьбой. Никакие предложения не принимались. Но и санкции к нерадивым судьям также не применялись. По крайней мере, автору они неизвестны. По данным Соломона спад по делам о хищениях продолжался с 1948 по 1951 г. Уже в 1948 году осуждали меньше, чем в 1946 году. Администрация заводов и учреждений прекратила сообщать о фактах кражи. Милиция и прокуратура закрывали дела. Судьи стали выносить много приговоров, не связанных с лишением свободы. Особенно снижалась репрессивность применения указа к голодным женщинам, детям. Тем не менее, например, в 1949 году доля осужденных за хищения государственного и общественного имущества общегражданскими судами составила 11,5% от общего числа осужденных⁸.

В 1952 году Сталин взял новый курс на ужесточение. Поднялась новая волна массовых репрессий. 6 мая 1952 года вышло постановление Пленума ВС СССР «О судебной практике по применению Указа ПВС СССР от 4 июня 1947 года “Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества”». Пленум указывал, что отдельные суды необоснованно применяли мягкие меры наказания или оправдывали. Нередко суды расширительно применяли ст. 2 и 4 Указа 4-6, квалифицируя как хищение, совершенное организованной группой, всякое совместное хищение двумя или более лицами, хотя совместное участие носило случайный характер. Суды по-разному решали вопрос о применении статей 2 и 4 указа (по признаку повторности, о квалификации хищения путем разбойного нападения). По-разному квалифицировались преступления, свя-

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446, оп. 86а, д. 8073, л. 4-12, 28-30, 33.

⁸ Соломон П. Указ. соч. С. 415-421; ГАРФ. Ф. Р-7523, оп. 40, д. 835, л. 1-4, 27-30, 57-75; ОГАЧО. Ф. Р-1410, оп. 4, д. 7, л. 65-69.

занные с поддельными железнодорожными билетами, самовольным сенокошением, незаконным получением пенсий, пособий, надбавок путем представления фиктивных документов. Суды не решали вопросы о возмещении материального ущерба. Действия должностного лица квалифицировали по статье 109 УК РСФСР (присвоение), а не по Указу 4-6. Не выносились частные определения в отношении безответственных должностных лиц. Пленум указал, что всякое присвоение, злоупотребление служебным положением, если оно выражается в присвоении имущества или в передаче его другим лицам по мотивам корысти, является преступлением. Также под действие указа попадали должностные лица, винные в выдаче по мотивам корыстной или личной заинтересованности государственных (общественных) средств под видом заработной платы лицам, не выполнявшим работы для данного учреждения; в незаконном получении премий или надбавок к заработной плате, пенсий и пособий путем обмана; «временном позаимствовании» средств (это «временное позаимствование» как хищение стало широко применяться судами, которые осуждали невинных людей, ведь необходимо доказать умысел, а теперь суды могли не утруждать себя его поисками). Хищение государственного или общественного имущества путем разбойного нападения на лиц, в ведении которых находится это имущество, должно было рассматриваться как хищение, совершенное при отягчающих обстоятельствах; хищение любого имущества, совершенное повторно, должно было рассматриваться как повторное. Также ВС СССР исключил из сферы действия указа мошенничество, причинившее ущерб учреждению (предприятию), не соединенное с присвоением государственного или общественного имущества. Оно должно было вновь квалифицироваться по статье 169 УК РСФСР. Принятие такого постановления означало существенное расширение сферы применения указа. В июле 1952 года ВС СССР издал еще одно постановление, призывавшее к строгому исполнению указов. Суды были обязаны прекратив выносить оправдательные приговоры и приговоры ниже низшего предела⁹.

⁹ Бородин, С.В. Верховный суд союзной республики, как орган надзора за деятельностью судов

По данным Соломона, за хищения государственного имущества в СССР осуждено в 1946–1952 гг. 1 663 098 человек, за хищения личной собственности — 785 330. Однако эти данные затрагивают только часть судебных органов и, очевидно, не охватывают данные по специальным судам¹⁰.

По данным П. Соломона, Горшенин 27 апреля 1953 года направил записку Маленкову с предложением снизить наказание за кражу личного имущества до 6 лет, государственного и общественного имущества — до 7–8 лет. 22 августа 1953 года руководители МЮ СССР, Прокуратуры СССР, ВС СССР, МВД СССР просили Хрущева и Маленкова отменить уголовную ответственность за мелкие кражи. Тем временем количество дел по Указу 4-6 (гос.) сокращалось: со 110,2 тыс. осужденных в 1952 году до 61 тыс. в 1955 году. На это снижение прежде всего повлияли постановления Пленума ВС СССР от 04.12.1953 года и 28.05.1954 года. Было отменено постановление от 19.03.1948 года, предписывавшее суровые санкции. Восстанавливались разные квалификации по разным категориям хищений, смягчалось действие постановления от 06.05.1952 года. По данным отдела ПВС СССР, число лиц, осужденных за хищения (все), снизилось с 268,5 тыс. в 1952 году до 200,4 тыс. в 1954 году. С 1953 года суды вновь стали применять часть 2 статьи 169 УК РСФСР, с 1955 года — п. «е» статьи 162 УК РСФСР. 23 мая 1954 года МЮ СССР отменило приказ от 09.09.1948 года № 016, который обязывал суды выносить жесткие приговоры по указам.

Сокращалась доля лиц, осужденных к лишению свободы. Одновременно преступников стали осуждать на небольшие сроки лишения свободы. Так, за небольшие хищения стали приговаривать, как правило, на сроки до 6 лет лишения свободы, по статье 2 Указа 4-6 (гос.) — на сроки до 8 лет, по статье 3 — на срок от 4 до 6 лет, по статье 4 — на срок до 10 лет. Осуждения к 25 годам лишения свободы превратились в единичные случаи. Указ ПВС СССР от 10.01.1955 года «Об уголовной ответственности за мелкое

республики по рассмотрению уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1954. Л. 150–151; Соломон П. Указ. соч. С. 421–422; ГАРФ. Ф. Р-7523, оп. 58, д. 646, л. 2–7, 21–32.

¹⁰ Соломон, П. Указ. соч. С. 429.

хищение государственного и общественно-го имущества» выделил эти преступления из общей группы хищений. На его основе было принято постановление Пленума ВС СССР. Согласно указу за мелкое хищение государственного или общественного имущества, совершенное впервые, устанавливались ИТР от 6 месяцев до 1 года или лишение свободы до 3 месяцев. Те же действия, совершенные повторно, наказывались лишением свободы на срок от 1 до 2 лет. Директива МЮ СССР от 16 января 1956 года еще раз подстегивала суды при выполнении Указов 4-6. Указы формально продолжали действовать до 1 января 1961 года¹¹.

В послевоенный период в целом сохранялась репрессивная направленность советских органов юстиции. Однако кампа-

нейское правосудие постепенно уходило в прошлое. Неудачно развивалась кампания по борьбе с хищениями 1947 года. Она фактически продолжалась три месяца и затормозилась из-за саботажа судебных чиновников. Есть основания предполагать, что в этом косвенное участие приняли высшие руководители юстиции Рычков и Голяков. Провал кампании стал одной из причин отставки этих чиновников. В 1952 году Сталин принуждал репрессивные органы вновь ужесточать уголовно-правовую политику. После его смерти исполнение указов превратилось в рутинную правовую процедуру.

Литература

1. Бородин, С.В. Верховный суд союзной республики как орган надзора за деятельностью судов республики по рассмотрению уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1954.
2. Звягинцев, А.Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937–1953 гг. / А.Г. Звягинцев, Ю.Г. Орлов. М., 2001.
3. Раудсалу, В. Создание советской системы юстиции в Эстонии // Советское право. 1985. № 6.
4. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998.

¹¹ Звягинцев, А.Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937–1953 гг. / А.Г. Звягинцев, Ю.Г. Орлов. М., 2001. С. 407; История сталинского ГУЛАГА: конец 1920-х — первая половина 1950-х гг. Т. 1. С. 612–616; Соломон П. Указ. соч. С. 422; ГАРФ. Ф. А-353, оп. 16, д. 77, л. 31, 32, 48–50; ГАСО. Ф. Р-1574, оп. 1, д. 242, л. 76–77, 80; ОГАЧО. Ф. Р-1041, оп. 5, д. 31, л. 25; Ф. Р-1573, оп. 1, д. 12, л. 10; д. 26, л. 1–4.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ ГРУППА

(4842) 70-03-37

буклеты • визитки • листовки • постеры
календари • журналы • книги • брошюры